

[Polaris]

ЛЕТАЮЩИЕ

КОЧЕВНИКИ

Советская научно – фантастическая
повесть – буриме

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XLVI

Salamandra P.V.V.

ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ

Советская научно-фантастическая
повесть-буриме

Том I

Salamandra P.V.V.

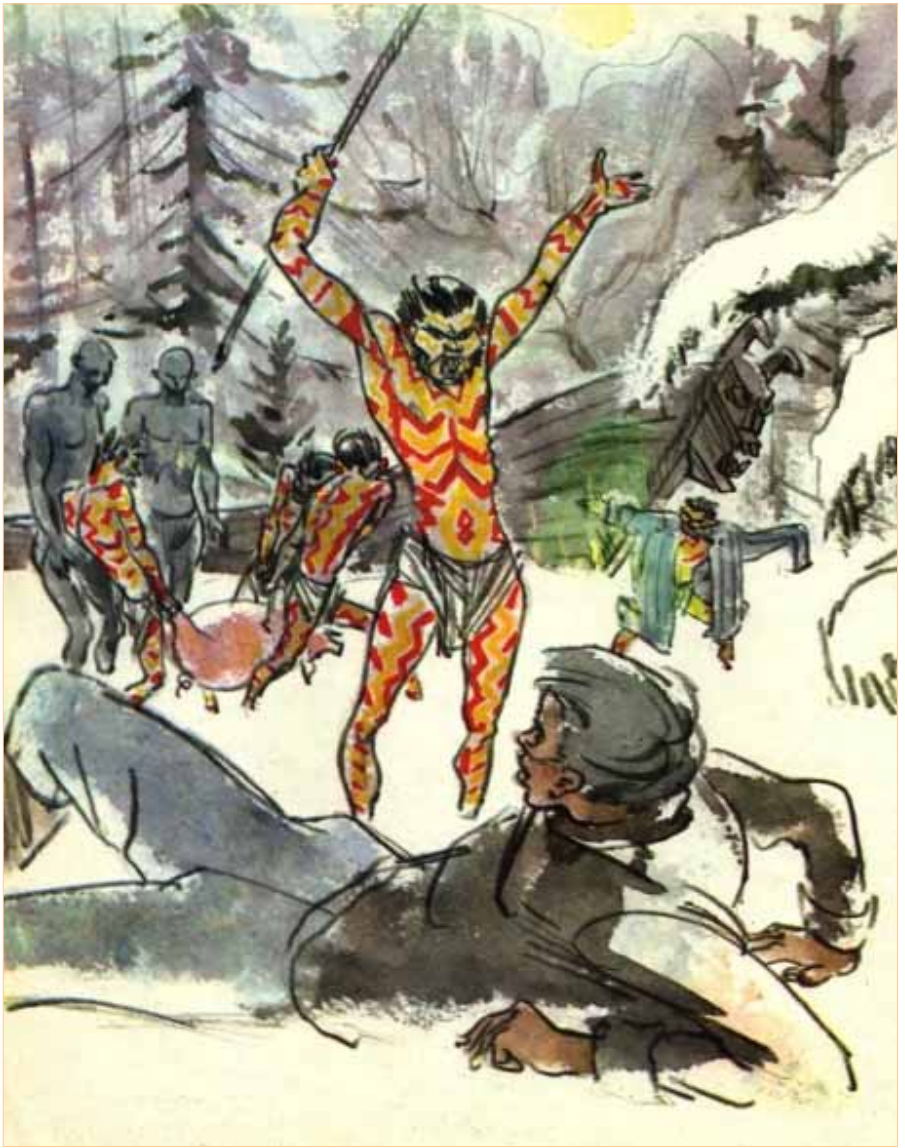
Летающие кочевники: Фантастическая повесть, где авторы, сменяя друг друга, придумывают главу за главой. Рис. А. Скалозубова (Советская научно-фантастическая повесть-буриме. Том I). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 138 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XLVI).

Новый двухтомник в серии «Polaris» представляет любопытное явление в истории советской фантастики шестидесятых годов – повесть-буриме. Впервые после экспериментов 1920-х советские авторы решили объединиться для создания произведений, которые, пожалуй, больше говорят о времени, чем о них самих...

В первый том издания вошла повесть «Летающие кочевники», созданная девятью фантастами и одним литературным критиком и опубликованная в 1968 г. в журнале «Костер».

© Авторы, 1968

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ

Фантастическая повесть, где авторы, сменяя друг друга, придумывают главу за главой

Рис. А. Скалозубова

*Аркадий Стругацкий
и Борис Стругацкий*

ГЛАВА I

Вдвоем фантастику писать можно, знаем по собственному опыту. А втроем?.. А вдесятером?.. Одна голова — хорошо, две — лучше, а десять, наверно, еще лучше? Правда, говорят, что у семи нянек дитя без глазу, но мы надеемся, что это не про нашу коллективную повесть.

На попутной машине Марков добрался до поворота на Сельцы, дал шоферу полтинник и выпрыгнул из темной кабины. Мороз был градусов пятнадцать. Марков сразу понял это, когда почувствовал, что слипаются ноздри. Он знал эту примету: если ноздри слипаются, значит, ниже десяти. Грузовик заворчал, буксанул задними колесами в обледеневшей колее и ушел за поворот, оставив горький на морозе, едкий запах бензинового перегара. Марков остался один. Он очень любил эту минуту: попутка скрывается за поворотом, остается только тихий, заваленный снегом лес, да сугробы вокруг, да серое низкое небо над головой, а он один, с рюкзаком и ружьем за спиной, мороз пощипывает щеки, воздух восхитительно свеж и вкусен, а впереди — две недели охоты, целых две недели молчаливого леса, и

следов на снегу, и тягучих зимних вечеров в теплом домишке лесника, когда ни о чем можно не думать, а только радоваться здоровью, снегу, спокойным добрым людям и размеренному течению дней, похожих друг на друга.

Марков встал на лыжи, поправил за плечами рюкзак и, перебравшись через кювет, вошел в лес по невидимой, но знакомой тропинке, ведущей к дому лесника Пал Палыча. Некоторое время он еще слышал гудение грузовика, а потом и оно стихло, только поскрипывал и шелестел под лыжами наст да где-то вдалеке каркали вороны.

До домика было километров восемь. Следов было не много, но Марков знал, что Пал Палыч не оставит его милостями и все еще будет: и следы, и тетерева, с грохотом вылетающие из-под снега, и выстрелы, и то до боли острое, азартное ощущение, когда точно знаешь, что попал, и огромная птица тяжело ухает в сутроб, и кажется, что земля вздрагивает от удара.

Обычно дом Пал Палыча встречал Маркова приветливым шумом. Зычно гавкал, гремя на весь лес цепью, здоровенный Трезор. «Цыц, бешеный!» — грозно кричала на него бабка Марья, мать Пал Палыча; и вдруг ни с того ни с сего принимался орать петух. Но на этот раз все было тихо, и Марков даже подумал, что дал вправо, как вдруг открылась полянка и он увидел дом. Он сразу почувствовал, что случилась какая-то беда. Калитка была распахнута, двор пуст, и стояла тишина, странная и недобрая.

Он все еще не понимал, откуда это ощущение беды, а потом сразу понял: слишком много распахнутых дверей. Дверь в дом была раскрыта настежь, и дверца курятника была сорвана и валялась в стороне, и дверь хлева тоже, и почему-то была раскрыта дверь на чердак. Одно из окон в доме разбито, будка Трезора перевернута, по всему двору разбросаны рыжие перья, а истоптанный снег забрызган красными пятнами. Сдерживая дыхание, Марков торопливо снял лыжи и пошел в дом. В доме все двери тоже были распахнуты, в разбитое окно тянуло морозом, но было еще тепло. Марков позвал: «Эй, хозяйева!» — но никто не откликнулся, да он и не ждал, что откликнется. В комнатах

было как всегда чисто и прибрано, но в сених валялся на полу большой тулуп.

Марков вышел во двор, покричал, приставив ладони ко рту, и побежал вокруг дома. Из-под ног у него выскочил полосатый старухин кот Муркот и, надувши хвост, опрометью взлетел на крышу курятника. Марков остановился и позвал его, но кот посмотрел косо и, прижав короткие уши, так злобно и яростно затянул «уа-уа», что сразу стало ясно: кот тут видел такое, что не скоро успокоится и поверит в чьи-нибудь добрые намерения.

Обойдя вокруг дома, Марков встал на лыжи, сбросил рюкзак и перезарядил ружье. Патроны с «двойкой» он выбросил прямо в снег, а в стволы загнал «нулевку», самое солидное, что у него было. Он не сомневался, что совершенно преступление, и как ни дика была эта мысль, ничто другое не приходило ему в голову. Теперь он видел, что через калитку протасили по снегу что-то тяжелое, пачкающее кровью, и видел, что след этот тянется по поляне и исчезает за

деревьями. Вокруг было множество следов, они показались Маркову какими-то странными, но не было времени разбираться. Он взял ружье наизготовку и пошел рядом с жуткой бороздой, где в развороченном снегу расплывались красные пятна. «Сволочи, — думал он с холодной ненавистью, — зверье...» Все ему было совершенно ясно: в свое время Пал Палыч задержал злого браконьера, и тот, вернувшись после отсидки, явился с пьяными друзьями отомстить, и они убили Пал Палыча и его мать, а потом, протрезвев, перепугались и уволокли трупы в лес, чтобы спрятать. Он отчетливо видел заросшие хари и налитые водкой глаза и думал, что стрелять будет не в ноги, а как на фронте.

У самых деревьев след разделился. Вправо потянулась цепочка странных следов, и когда Марков понял, что это такое, он остановился озадаченный. Это были следы босых ног. Там, где наст выдержал и не провалился, можно было отчетливо видеть отпечатки голых ступней. Это казалось необъяснимым, и некоторое время Марков колебался, не зная, что делать, но потом все-таки пошел дальше вдоль запачканной кровью борозды. Она тянулась, петляя между кустами, зеленые ветви елей над нею выпрямились, освобожденные от снежных шапок. Иногда борозду пересекала цепочка следов босых ног. Потом Марков заметил впереди какое-то движение и остановился, судорожно стиснув ружье.

Впереди в кустах кто-то был — кто-то живой, пестрый, яркий, словно раскрашенная кукла. Он сразу замер, и Марков не мог как следует рассмотреть его. Сквозь заснеженный лапник просвечивали желтые и красные пятна, и Маркову казалось, что он слышит тяжелое дыхание. Он шагнул вперед и хрипло крикнул: «Кто там? Стрелять буду». Никто не отозвался. Потом краем глаза Марков заметил какое-то движение слева и резко повернулся, выставив перед собой ружье.

Прямо на него из-за деревьев выбежал удивительный человек. Если бы этот человек был в полушубке или в ватнике и держал бы в руках топор или ружье, Марков авто-

матически упал бы боком в снег, выбросив на лету перед собой двустволку, и хладнокровно расстрелял бы его. Но человек был гол, весь размалеван красным и желтым, а в руке у него была длинная заостренная палка. Марков, открыв рот, смотрел, как он бежит, с необыкновенной легкостью выдергивая ноги из снега. Затем человек замедлил бег, весь изогнулся и, дико крикнув, метнул в Маркова свое

копье. Марков инстинктивно присел и, не удержавшись на скрещенных лыжах, опрокинулся на бок. Он был очень удивлен и испуган, и тем не менее странный полет копья даже тогда поразил его. Брошенное с силой, оно отделилось от руки размалеванного человека и медленно поплыло по воздуху. Оно отстало от бегущего, а потом, все набирая скорость, обогнало его и пронеслось над головой Маркова с вибрирующим свистом. Марков еще слышал, как оно с треском врезалось в чащу, словно по кустам дали очередь разрывными пулями, но тут на Маркова навалились со всех сторон. Крепкие маленькие руки схватили его за лицо, опрокинули на спину, он почувствовал резкий неприятный запах, жестокий удар в подбородок, рванулся, и его оглушили.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в снегу под деревом. Слышались незнакомые голоса, какие-то неопределенные звуки, скрип. Неприятно и остро пахло. Он сразу все припомнил и сел, опершись спиной о ствол. Перед ним бы-

ла обширная поляна, и на ней — полно народу. У Маркова запестрело в глазах. Всюду сновали, крича во все горло, маленькие, голые, размалеванные яркими красками люди. Рядом с Марковым такой же человек кричал и размахивал копьем. А на другом конце поляны грузно лежало в снегу длинное серое сооружение, похожее не то на ковчег, не то на огромный, чуть расплывшийся огурец. Один конец сооружения был тупо срезан, как корма корабля. Другой был заострен и приподнят.

Марков зачерпнул снегу и потер лоб и щеки. Он был без шапки и без ватника, ружье куда-то пропало. Человек, стоявший рядом, повернулся к Маркову и что-то сказал, зябко шевеля губами. Вид у него был дикий и свирепый — широкое скуластое лицо, расписанное желтыми зигзагами, щетинистые жесткие волосы, большие злые глаза. Видно было, что он сильно замерз и челюсти у него сводит от холода.

— Что вам надо? — сказал Марков. — Кто вы такие?

Человек снова сказал что-то злым гортанным голосом, затем ткнул Маркова копьем. Копье было тяжелое, тупое, без всякого наконечника. Марков с трудом встал на ноги. Его сразу затошнило, закружилась голова. Человек снова выкрикнул несколько слов и снова ткнул его копьем, не сильно, но очень решительно. Марков, стараясь выиграть время, пока перестанет мутить, послушно пошел вперед, а человек двинулся за ним по пятам, время от времени постукивая его копьем то справа, то слева, указывая направление. Он гнал Маркова, как вола, а Марков чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог собраться с мыслями. Отчаянно болела голова.

Возле галеры Марков остановился и, обернувшись, посмотрел на своего погонщика. Тот что-то проорал, погрозил копьем и отошел в сторону. Тут все на поляне разразились отчаянным воем, страшным визгом заверещала свинья, и Марков увидел, как ее волокут к борту галеры. Свинью подняли на руках и перевалили в узкую щель, которую Марков сначала не заметил. Люди на поляне перестали орать и размахивать копьями, сгрудились в толпу и

тоже подошли к галере. Марков поймал себя на том, что пытается сосчитать их. Он насчитал три десятка маленьких размалеванных и еще четырех рослых людей с серой кожей. С рослыми обращались неуважительно: на них замахивались, кричали, то и дело подбегали к ним и толкали или пинали ногами, а те только, жмурясь, прикрывали лица и шли, куда их толкают. Это было тем более странно, что они как на подбор были здоровенные мужчины с огромными мускулами...

Гвалт стоял, как на вокзале во время эвакуации. Голова Маркова раскалывалась на части, так что он даже плохо видел. Он ощупал темя — там была огромная мягкая шишка, а волосы слиплись и смерзлись.

Серокожих рослых постепенно подогнали к галере и построили в ряд возле Маркова, и это ему очень не понравилось, тем более, что десяток маленьких копейщиков столпилось напротив них в нескольких шагах, крича друг на друга и тыча пальцами в Маркова и рослых. Марков поглядывал на своих соседей. Вид у них был забитый и удрученный, так что надеяться на них не приходилось. Тут Марков обнаружил свой ватник. Он был на одном из маленьких, пожалуй, на самом маленьком и размалеванном с головы до ног. Этот малыш кричал больше всех, яростно подпрыгивал, замахивался на других и пихался. Его слушались, но не очень. В конце концов он ударил кого-то древком по голове, подбежал к рослым, схватил одного за руку и потащил за собой. Тот слабо упирался, тихонько скуля. Все завопили, но потом разом смолкли и уставились на Маркова. Малыш в ватнике бросил рослого, подскочил к Маркову и схватил его за рукав. Марков рванулся и высвободился. Все заговорили, замахали руками и неожиданно полезли в галеру. У Маркова отлегло от сердца. Трое рослых забрались последними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Поляна опустела. Около галеры остались только малыш в ватнике, выбранный им верзила, стоявший понуро в тихом отчаянии, и Марков. Малыш обежал галеру кругом, посмотрел на небо, окинул взглядом поляну и верхушки

деревьев и вдруг заорал диким голосом, уставив копые в грудь рослому. Тот стал пятиться, уперся спиной в борт, не сводя глаз с копыя, а малыш все наступал на него, оттесняя к корме. Марков тоже попятился к корме. За кормой все остановились, и малыш снова принялся прыгать, бесноваться и орать во все горло. Марков никак не мог понять, чего он хочет.

— Чего ты орешь? — спросил он. Малыш заорал еще громче. Марков оглянулся на рослого. Рослый, расставив ноги, всем телом давил на широкую серую стену, нависавшую над ними. Видно, он пытался сдвинуть с места всю галеру, и это показалось Маркову таким же бессмысленным, как если бы он пытался передвинуть двухэтажный дом. Но рослый не видел в этом ничего бессмысленного: он натужно кряхтел, упираясь в корму грудью и напряженными руками. Тогда Марков тоже уперся в корму.

Корма возвышалась над головами метра на три. На ощупь она была не деревянной, скорее, она была сделана из какого-то минерала, серого, пористого, покрытого темными потеками. Малыш уперся копыем и тоже навалился. Все трое пыхтели от напряжения, толкая и упираясь, словно вытаскивали из грязи буксующую машину, и Марков хотел уже бросить эту дурацкую затею, как вдруг почувствовал, что корма подается. Он не поверил себе. Но корма подавалась, она уходила от него, и ему пришлось переступить, чтобы не упасть. У него было такое ощущение, словно он сталкивал в воду тяжелый плот. Малыш принял копые и крикнул. Рослый остановился. Марков еще раз переступил и тоже остановился.

Это было необычайное зрелище: огромная неуклюжая галера медленно ползла на брюхе по снегу, воздух постепенно наполнялся скрипом. Рослый, косясь на малыша, стал медленно обходить корму. Малыш прикрикнул на него и ударил Маркова древком по плечу. Марков отскочил и развернулся. Малыш тоже отскочил и выставил перед собой копые. Движения у него были стремительные и хищные. А рослый вдруг перестал красться и со всех ног пустился бежать за уползающей галерой. Галера ползла все быстрее.

Тогда малыш прыгнул в сторону и, обогнув Маркова, тоже помчался за галерой. Марков все еще не понимал, что происходит. Галера увеличивала скорость. Малыш обогнал рослого, подпрыгнул и ухватился за края щели. Навстречу ему протянулись руки, его схватили за руки, под мышки и потянули внутрь. Рослый взвизгнул, рванулся и ухватился за его ноги. Малыш ужасно заорал и выронил копьё. Галера уже не ползла, она скользила по воздуху, и скорость ее стремительно нарастала. С шумом рухнуло дерево, стоявшее на пути. Марков смотрел вслед. Это было жутко и грандиозно: огромное неуклюжее сооружение, грубое и угловатое, уходило в небо, все круче задирая нос. Некоторое время ноги рослого еще болтались в воздухе, затем его тоже втянули в щель. Галера свечой уходила к тучам. Марков услышал ревуший свист, словно летел реактивный самолет, и она скрылась. Рев затих, и Марков остался один.

Он обвел глазами поляну. Растоптанный снег, красные пятна на снегу, широкий прямой овраг до самой земли... Он пощупал темя. Было очень больно, и он застонал. Надо было добираться до жилья, а он не знал, где находится и даже не пытался сориентироваться, так у него все перемешалось в голове.

Пошел снег, стало темнее. Держась за голову и постанывая на каждом шагу, Марков побрел вдоль борозды, оставленной галерой. Он увидел копьё, брошенное малышом, и поднял его, пытаясь рассмотреть, хотя от боли слезами застилало глаза. Копьё было тяжелое, черное, шершавое. Опираясь на него, Марков пошел дальше. Снег падал все гуще, и все сильнее болела голова, и скоро Марков перестал соображать, куда он идет и зачем.

Пал Палыч с шумом допил чай из блюдца, подставил свою огромную расписную чашку под самовар и, повернув краник, смотрел, как закрученной струйкой бежит кипяток.

— Викинги, говоришь... — сказал он негромко.

Бабка Марья стучала топором, колола лучину для растопки. В доме было тепло, разбитое окошко заткнули тулу-

пом. Марков сидел за столом, подперев рукой забинтованную голову.

— Плохо, брат, — сказал Пал Палыч. — Я как вернулся, увидел твой рюкзак, сразу подумал — плохо...

— Почему же плохо? — слабым голосом сказал Марков. — Наоборот! Открытие, Пал Палыч! Открытие!

— Н-да-а, — неопределенно прогудел Пал Палыч, отводя глаза и наливая в блюдце чай.

— Я думаю так, — продолжал Марков слабым голосом. — Прилетали они издалека, не знаю, откуда, но есть у них там, наверное, дерево или какой-нибудь минерал с особенными свойствами. И стали они строить летающие корабли. Смелые, черти!.. — он сморщился от тошноты.

Пал Палыч со стуком поставил блюдце на стол.

— Как это у тебя получается, Олег Петрович, — сказал он. — Не знаю, не знаю... Дикари голые, по воздуху летают и, значит, свиней воруют... Неувязочка! Брось ты про это думать, Олег Петрович. Выпей-ка ты еще чайку с малиной. Водки я тебе, пожалуй, больше не дам, пусть голова заживет, а чаек пей. Боюсь, не прохватило бы тебя...

Марков переждал, пока прошла тошнота.

— Надо немедленно сообщить в Москву, — сказал он. — Прямо в Академию наук. А что касается голых дикарей... Сто тысяч лет назад, Пал Палыч, наши предки, такие же вот дикари, сколотили первый плот и поплыли на нем вдоль берега. Они тоже не знали, почему плот плавает, почему дерево не тонет. Сто тысяч лет оставалось до Архимеда, да что там — многие не знают этого и сейчас. А предки плавали, строили плоты, потом лодки и — плавали. Ведь закон Архимеда понадобился только для тех, кто строил железные корабли, а деревянные прекрасно плавали и без закона. Так и эти... Им наплевать, почему этот материал летает по воздуху. Построили корабль, набились в него и пошли добычу искать.

— Н-да, — сказал Пал Палыч. — Ты, Олег, вот что... Не хотел я тебе говорить, да, видно, надо сказать. Бред это у тебя, померещилось тебе.

Марков непонимающе уставился на него.

— Как это — бред?

— Так вот. Лесиной тебя оглушило. В беспамятстве ты все с себя посрывал, в одной тельняшке по лесу бродил. Ружье где-то бросил, так я его и не нашел...

— Постой, постой, Пал Палыч, — сказал Марков. — А дом пустой как же? А кровь на снегу? А следы?.. Окно выбито, все двери открыты... И кот Муркот...

Пал Палыч крикнул и почесал в затылке.

— Надо же, — сказал он, глядя веселыми глазами. — Как это у тебя все переделалось!.. Свинью я колол, Олег, свинью!.. А она у меня вырвалась и — с ножом — через двор да в лес! Я за ней, поскользнулся — в стекло въехал локтем... Понял? Трезора с цепи спустил, мать выскочила, тоже за свиньей побежала... Ведь верно, мать?

— Что это ты? — сказала бабка Марья.

— Свинью, говорю, колол! — заревел Пал Палыч.

— А?

— Свинью, говорю!

— Нет уж ее, — сказала бабка, качая головой. — Нет уж свинки...

— Ничего не понимаю, — сказал Марков.

— А тут и понимать нечего, — сказал Пал Палыч. — Академии наук тут не нужно. Вернулся я со свиньей, гляжу — твой рюкзак. Я по следу. Нашел сначала место, где тебя пришибло. Потом лыжи нашел. А потом уже к вечеру гляжу — сам идешь, за деревья держишься. Я было подумал, что обобрали тебя...

— Где это было? — спросил Марков.

— А километрах в пяти к северу, где мы с тобой в прошлом году зайца гоняли.

Марков помолчал, стараясь вспомнить.

— А копые? — спросил он. — Было при мне копые!

Пал Палыч посмотрел на него, словно раздумывая.

— Ничего при тебе не было, — сказал он решительно. — Ни копыя, ни ватника. Так что брось ты это, забудь...

Марков медленно закрыл глаза. Голова, успокоившаяся было, снова начала болеть. «А может, и правда — бред», — подумал он.

— Пал Палыч, — сказал он, — дай-ка ты мне еще водки. Боюсь, не засну теперь.

— Болит? — спросил Пал Палыч.

— Болит, — сказал Марков.

Летучий корабль... Летучие викинги... Не бывает такого и быть не может... Первые люди на первом плоту... Чепуха, поэзия...

Он кряхтя перебрался на лавку, где ему постелили.

Когда он заснул, Пал Палыч, накинув полушубок, прихватил инструмент и вышел во двор прилаживать дверцу курятника. За ночь снегопад кончился, солнце было яркое, снег во дворе сверкал девственной белизной. Пал Палыч работал со злостью и два раза стукнул себя молотком по большому пальцу, так что из-под ногтя выступила кровь. К нему подошла мать, пригорюнилась, подперла щеку рукой.

— Курей-то опять заводите будем, Пашенька? — сказала она.

— Заведем, — утрюмо ответил Пал Палыч. — И курей заведем, и свинью. Не впервой. У Москаленковых щенок хороший есть — надо взять... — он встал и принялся отряхивать снег с колен.

— Чисто немцы — энти-то, — сказала бабка, всхлипнув.

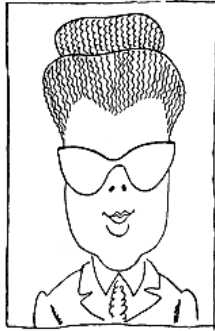
— При немцах ты б в погребке не отсиделась, — сказал Пал Палыч. — Да и мне бы не уйти... Ты вот что, мать... Ты об этом никому ни слова, и особенно про палку, что я принес, а ты сожгла.

— Да я же не знала, Пашенька!.. Палка и палка.

— Ладно — сожгла и сожгла. А рассказывать все равно не надо. До Олега Петровича дойдет — очень обидится, а я его обижать не хочу. А чтобы он на тебя сердился, тоже не хочу. Поняла?

— Да, поняла, — сказала бабка. — А палка-то, ох, и красиво же она горела, эта палка! И красным, и синеньким, и зеленым — ну чисто изумруд!.. А кто же это были, Пашенька? Неужели опять немцы?

— Викинги! — сказал Пал Палыч сердито. — Викинги это были, дикие, понятно?

Ольга Ларионова

ГЛАВА II

Какой должна быть фантастика? Познавательной, увлекательной и правдоподобной. Главное, правдоподобной.

Простуда брала свое, и Маркову было ясно, что последние шесть дней отпуска придется проваляться в постели. Полдня он тоскливо глядел в заиндевелое окошко, под которым со звонким морозным лязгом и грохотом проносились по Среднему проспекту невидимые, но вполне слышимые трамваи. В четыре часа пополудни, устав натужно кашлять, Марков решил бороться.

Средство было верное: баня. Хорошо пропариться, затем сто граммов перцовки с таблеткой аспирина да чай с сухой малинкой, отсыпанной в холщовый узелок сердобольной бабкой Марьей. Бабкой... Марков поднялся, прогнал воспоминания. Не было ничего. Ни бабки, ни леса, ни чертей этих крашенных. А то еще чего доброго рехнешься. Не было ничего, и точка. Марков, постанывая от лототы, собрал в чемоданчик мочалу, мыло да пару исподнего.

В бане он пристроился возле самой двери в парилку, откуда время от времени выплескивалась волна влажного духовитого жара. Переступая с ноги на ногу — в бане не было места, где бы не дуло по низу, — он старательно мылил голову и все пытался не думать о приключившемся. Тело постепенно нагревалось, наполняясь ленивой банной истомой, мысли текли медленнее, и ощущение первобытного блаженства уже начало переполнять Маркова, когда ему вдруг помешали.

Не то чтоб очень. Просто выискался шутник, не нашедший лучшего применения своему юмору, как пустить в шайку Маркова старую мочалку. Марков выругался и, не глядя, выловил мочалу и швырнул ее на пол, к стене. Но шутник не унимался. Видно, он стоял где-нибудь поблизости, потому что не успел Марков как следует продраить затылок, как мочала снова появилась в его шайке. Марков тряхнул чубом, наскоро окатившись, и открыл было рот, дабы выяснять отношения. Но глаза нестерпимо заело, и он, краем глаза успев заметить в шайке нахальную рыжую мочалу, торопливо затрусил под душ. В бане было что-то тихо, и он не увидел, а скорее почувствовал, как расступаются перед ним люди. Не особенно этим огорчаясь, он сунул голову под жиденькую струю, поднял руки и вдруг наткнулся на непривычно гладкую поверхность собственного черепа, обтянутого тонкой, до странности беззащитной кожей.

Марков обернулся и сквозь струйки, сбегавшие по лицу, увидел притихшее население бани, с немым ужасом взиравшее на это чудо.

Марков виновато пожал плечами, попытался улыбнуться, но это ему не удалось, и он пошел прочь, цепко ставя ноги, чтобы не поскользнуться, даже не взглянув на шайку, в которой сиротливо золотилось то, что поначалу было принято им за мочало.

Ах, как хотелось ему все позабыть, пойти на работу, снова дожидаться отпуска, который теперь пришелся бы на лето, и двинуть на Селигер, за степенными лещами, за шкодливыми плескучими хариусами... И теперь все шло прахом. Придется куда-то и к кому-то идти, все рассказывать, вы-

яснять, убеждать, а тебя будут принимать за дурака, в лучшем случае, а то так и за психа.

Малину бабкину он выбросил, едва придя домой, а перцовки с аспирином принял, и от этого, а может, просто по редкому везению — Марков и на фронте, и теперь вот выходил вроде бы сухонький из всяких возможных и невозможных ситуаций — но наутро голая бильярдная поверхность его черепа начала едва уловимо щетиниться. У Маркова отлегло от сердца. Кажется, все обошлось, можно никуда не ходить, никому ничего не рассказывать. Правда, оставалось смутное беспокойство за Пал Палыча и его старуху. Не случилось ли с ними беды? Новой, неожиданной?

Марков достал тетрадку в клеточку, вот уже несколько лет снабжавшую его почтовой бумагой. Прямо так рассказывать приключение в бане не хотелось, и Марков ходил вокруг да около, с кажущейся ему тактичностью выпрашивая, не случилось ли чего еще, и как там бабка Марья, и не надо ли ей гребней каких или шпилек, если соберется он к ним на будущую зиму.

Письмо он отправил без надежды на скорый ответ, так как знал неторопливость сельцовского почтаря, однорукого Нефедова, который, ясное дело, не попрет к леснику по морозу за десять километров, а будет терпеливо ждать, когда тот сам по какой-либо оказии завернет в Сельцо.

Между тем последние дни отпуска подходили к концу, щетина на голове неуклонно росла, а лесное происшествие столь же неуклонно забывалось. Там снова началась работа с вечными всепоглощающими хлопотами, и Марков был несколько обескуражен, когда на его имя пришел довольно объемистый пакет.

Вскрыв пакет, он нашел там свое нераспечатанное письмо, а также весьма обстоятельное послание от сельцовского почтаря.

Суть дела сводилась к тому, что спустя два дня после отъезда его, Маркова, обратно в Ленинград необъяснимо вдруг снялся с места и сам лесник. Он сбегал на лыжах в райцентр, где шумел, требовал, чтобы его рассчитали «сей же минут», а получив расчет, в тот же день собрал пожит-

ки и отбыл в неизвестном направлении. Старуха его уезжала угрюмая, молчаливая и платок — до бровей.

На место лесника желающих пока не нашлось: далеко от села, да и домишко плохонький. В пустую избу бегали ребята, и внучок Нефедова с ними, говорят: страшно там, — в печи холодной искры то и дело скачут. Хотя непонятно, откуда искрам взяться, когда печь который день нетоплена и даже, говорят, треснула до основания, и из нее вроде бы черное дерево проросло. Ребята дерево кое-как обломали, уж очень странным оно им показалось. Нефедов приспособил палку под метлу. И тут, как на грех, его вызвали в райцентр, а возвратясь, застал он в избе рев и розги. Ревел внук, а розги, судя по их измочаленному виду, были применены Нефедовой-дочерью не без знания дела. Старый почтарь долго доискивался правды. Вышло так, что вся ребятня деревушки под предводительством Нефедова-внука начала вдруг изображать чертей. Один из них летал верхом на метле, другие с визгом и хохотом его преследовали. Летал на метле... Старик призадумался. Внук не отрицает, но верить все-таки невозможно.

Внук, правда, полностью отказывался от обвинения в чертовщине. Катались по очереди, и все тут. Весело, вот и визжали. Ни в каких чертей играть им и в голову не приходило. Просто было здорово, что дедова метла сама собой по воздуху летает, и надо было очень хитро тормозить, нацелившись в стог и выставив вперед ноги. Катались до тех пор, пока очередь не дошла до Катьки Бирюковой, которая от страха забыла, как надо останавливаться, зажмурилась и разжала руки. Метла помчала по прямой, и никто не смог ее догнать, она оборвала телеграфный провод, снесла громоотвод на сельсовете, распугала баб, собравшихся у сельпо, и исчезла в направлении Веховского озера.

Вот как обстояли дела в Сельце. В заключение Нефедов прибавлял, что хоть лесника и нет больше, Маркову на селе будут рады и остановиться он может в любой избе, так что пусть он всенепременнейше приезжает в любой час и с полным своим удовольствием.

Марков задумался. Может, пойти все-таки и рассказать? Он решил, что пойдет и расскажет, и ему сразу стало легко, как бывает после выполненного неприятного обязательства. Но он все откладывал свой поход со дня на день, пока не стало ясно, что никуда за давностью ходить не надо.

А в это же самое время, летом (ибо январь в южном полушарии — самая середина лета) небольшой отряд из трех тяжело груженных джипов медленно двигался по каменистому плоскогорью северо-восточной Бразилии, направляясь из Монте-Санту в штат Пернамбуку. Конечной точкой их путешествия должен был стать Поко-да-Крус, где экспедицию ждал Этьен Бретта, талантливый и деятельный человек, не побоявшийся взвалить на себя все тяготы и ответственность правительственной компании по обводнению бразильских сертан — безжизненных, иссушенных зноем земель.

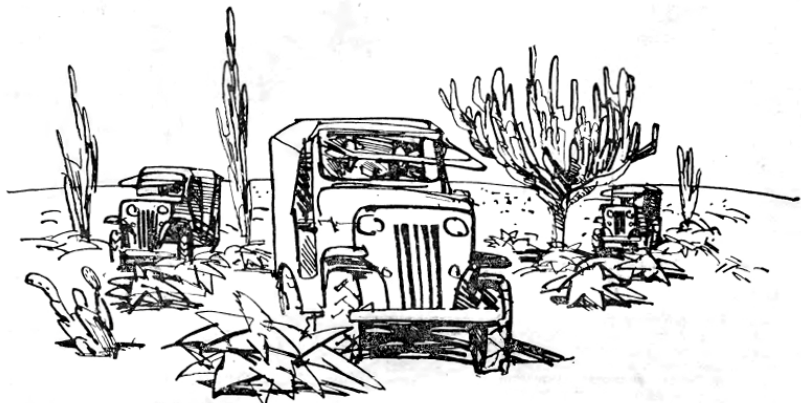
Головную машину вел негр. Он беззаботно поглядывал на дорогу, нередко совершенно терявшуюся среди уродливых нагромождений кактуса. Тогда он прибавлял скорость, и стебли кактуса ломались с упругим, хлюпающим звуком, так что светло-зеленый сок забрызгивал стекла. Человек, сидевший рядом с шофером, недовольно морщился.

Это был Мариано да Пальха, гидрогеолог, окончивший институт пять лет тому назад и уже имевший неплохой послужной список. Тонкие черты лица, смуглый цвет кожи и блестящие черные волосы выдавали в нем аборигена, а редкая и своенравная красота делала его похожим скорее на голливудского статиста, загримированного под настоящего бразильца.

Сзади разместились рабочие гидрологического отряда, нанятые еще в Монте-Санту.

Вторую машину вела женщина. Софи Берже, француженка, подписавшая контракт на три года, была тоже молодая, опытная и тоже могла похвастаться послужным списком, но ничем кроме него. Мариано, ожидавший очарова-

тельного гидрогеолога из Марсея, с непременным парижским носиком и пленительной грацией движений, был ошеломлен, увидев спускающуюся с корабля костистую рослую девицу. Он сухо представился и был не менее сухо принят.

Мариано никогда не спрашивал Софи о том, что заставило ее подписать контракт с Этьеном Бретта; впрочем, он ее вообще ни о чем не спрашивал, и молодые люди молча делали каждый свое дело, не обнаруживая ни дружелюбия, ни антипатий.

Платили обоим хорошо.

За рулем последнего джипа сидел Машадо, мулат, прекрасно знавший все местные наречия и сопровождавший Мариано в каждой его экспедиции. Сзади него погромыхивали ящики с продовольствием и экспедиционным снаряжением.

Внезапно из-за поворота вышли трое. Впереди шел ребенок лет шести, почти голый, если не считать двух тряпок — на плечах и на бедрах, бывших, по-видимому, когда-то рубашкой. За ним, понурясь, шла женщина, которой могло быть сколько угодно лет — от двадцати до пятидесяти. Замыкал шествие мужчина в ветхом пончо, болтавшемся

на его плечах, словно на ветке сухого каатинга. Шедшие посторонились, пропуская пылящие машины.

Софи опустила боковое стекло и с любопытством разглядывала людей, нагруженных нехитрым деревенским скарбом. Она проехала еще несколько метров, затормозила и высунулась из машины.

— Машадо! — крикнула она, оборачиваясь к следовавшему за ней джипу. — Что это за мумии и куда они бредут? Они же помрут в дороге, не добравшись даже до Байи.

Мулат тоже затормозил, приоткрыл дверцу машины и посмотрел назад. Трое медленно выбирались на дорогу.

— Я тебя спрашиваю, — нетерпеливо крикнула Софи, — кто это такие? Почему они бродят по дорогам?

Она не в первый раз замечала, что Машадо неохотно отвечает ей, если вопрос не относится непосредственно к работе. Вот и сейчас Машадо посмотрел на нее из-под полуопущенных век и коротко, тяжело бросил:

— Флагеладос.

Спрашивать еще раз было бессмысленно, и Софи резко откинулась на сиденье и рванула свой джип вперед. Машадо подождал, пока она отъедет на почтительное расстояние, и окликнул путников:

— Эй!

Обернулся только ребенок. Машадо быстро нащупал у себя за спиной мешочек бобов и жестянку с оливковым маслом. И швырнул их малышу. Мальчонка бросился к подарку и упал голым пузом на столь не-

ожиданно обретенные сокровища. Машадо отъехал метров сто и обернулся — малыш не решался подняться, словно кто-то мог отобрать у него еду. Флагеладос. Откуда эта белая лошадь могла знать, что это означает? Так звали мест-

ных крестьян, и в переводе на любой европейский язык это означало «многострадальные».

Как ни медленно передвигались машины, к полудню небольшой отряд уже достиг неглубокого ущелья, по дну которого протекала Васа-Баррис. Слева виднелись руины, поросшие зарослями каатинга, еще дальше белели домишки убогого поселенья. Мариано да Пальха остановился.

— Первый лагерь тут! — крикнул он.

Софи вылезла из машины, разминая затекшие ноги, потом порылась в своей дорожной сумке и достала планшет. Местечко называлось Канудус, и это был район предполагаемого затопления. Несколько дней придется проторчать здесь, предварительные изыскания и все такое. Вот и палатки уже начали натягивать.

Мариано объяснялся с рабочими, и Софи решила, что она может позволить себе десятиминутную прогулку после тряски в вонючей машине. Тропинка вилась среди развалин. Софи натянула куртку, чтобы не ободраться о колючки, и медленно двинулась вперед. Справа высился неуклюжий каменный крест, у подножия его грелась серая крупная ящерица. Софи подняла камень и швырнула его в ящерицу, не столько из природной брезгливости, сколько от постоянного внутреннего раздражения, которое не покидало ее в этой проклятой стране. Ящерица метнулась в сторону, и Софи, приблизившись, смогла различить надпись. Первое слово было непонятным — во всяком случае, оно было написано не по-французски; затем следовала дата — 1893, и четыре буквы: А. М. М. К.

Крест был выщерблен круглыми дырочками, словно в него долго и упорно стреляли.

Софи пожалала плечами и вернулась обратно.

Время до ужина пролетело быстро: дел было много, и когда тропическая темнота стремительно опустилась на лагерь, Мариано вспомнил, что надо готовиться к радиосводке. Пока Машадо менял аккумуляторы, да Пальха набрасывал в блокноте донесение в Национальный департамент по борьбе с засухой. Он был слишком занят, чтобы обра-

тить внимание на какую-то особую угрюмость и без того мрачноватого Машадо.

Софи не сиделось в палатке, и она вышла к чадающему костру, в который рабочие непрерывно подкидывали сухие побеги кактуса и кривые, колючие ветки. Жара от такого костра было не много, но пряный дым разгонял насекомых. Софи велела принести себе складной стул и расположилась у огня.

Из палатки Мариано доносился писк морзянки, свист, вой и всякая радиокутерма. Машадо сидел у входа, подвернув под себя ногу, и Софи вдруг показалось, что он подслушивает. С одной стороны, Мариано не мог передавать ничего такого, чего нельзя было бы слышать даже простому носильщику, с другой стороны, между Мариано и меднокожим мулатом существовала какая-то давняя привязанность.

Тем не менее Софи резко окликнула его и подозвала к костру, сама не зная зачем.

— Машадо, — сказала она, когда он приблизился, — ты не знаешь человека, инициалы которого А. М. М. К.?

При свете костра было видно, как передернулось сухое лицо мулата.

— А зачем это знать вам? — ответил он вопросом на вопрос. — Зачем это знать вам? Каждый человек знает, как зовут его мать. Каждый бразилец знает имя Конселейро. Если вы не привыкли к этому имени с пеленок, зачем вам узнавать его сейчас?

Софи посмотрела на него снизу вверх, слегка приподняв брови. Запальчивость мулата позабавила ее, хотя тон его был явно недопустим.

— Ты забываешься, Машадо, — сказала она лениво. — Тебе задан вопрос. Отвечай коротко.

— На такие вопросы коротко не отвечают. Вы ехали сюда, чтобы попасть в райскую страну, в страну-сказку, где цветные рабы смотрят вам в рот: да, мадемуазель, слушаюсь, мадемуазель, будет исполнено, мадемуазель. Но Бразилия — не такая страна. Она не такая с тех пор, как на этом самом месте пролил свою кровь Антонио Мендес Масиэл

Конселейро. Может быть, он умер именно там, где горит наш костер.

Спать еще не хотелось, и к тому же Софи разбирало любопытство.

— Послушай, Машадо, а нельзя ли твоего героя называть как-нибудь покороче? Мой бедный европейский язык не в силах выговорить ничего подобного.

— Народ называл его коротко: «пастырь». Здесь построил он город-крепость Канудус, здесь учил он свой народ выше всего ценить свободу, и здесь он погиб вместе со всеми жителями Канудуса. Ни один человек, способный держать в руках винтовку или хотя бы камень, не сдался врагу. Их кости там, под зарослями каатинга.

— Ну, довольно, — сказала Софи. — Не понимаю только, почему ты мне все это рассказываешь. Насколько я помню, ни я, ни мои ближайшие предки не расстреливали этого твоего пастыря. Ступай спать.

— Я говорю это вам потому, что вы пришли на нашу землю.

— Мы пришли дать вам воду, осел. Можешь не возмущаться, твои дружки ни слова не понимают по-французски. Дети ваших детей поставят нам памятник. А теперь проваливай.

— В Минас-Жераис и Пернамбуку, в Пиауи и Сержипи десятки рек и сотни долин, — медленно произнес мулат. — Но вы, чужаки, нарочно выбрали именно эту, чтобы затопить наш Канудус. Берегитесь! Это священный город, где прозвучали слова свободы!

Рядом с Машадо стояли рабочие, и по их лицам Софи вдруг увидела, что им понятно, о чем говорит Машадо. Этого не хватало! Револьвер в палатке. Мариано... Да будет ли защищать ее Мариано в случае стихийного бунта? Ведь он тоже бразилец.

— Красная пропаганда в сертанах, — произнесла Софи, подымаясь и потягиваясь. — Слова свободы... Дать им ведро воды и два фунта маиса на нос, и они выдали бы своего пастыря с ручками и с ножками. На деле свобода легко заменяется жратвой и пойлом.

Машадо вскинул голову и неожиданно улыбнулся:

— Ты дочь рабов, — сказал он и плюнул ей под ноги.

Не думая о последствиях, она размахнулась и изо всех сил ударила мулата.

Внезапно из темноты выбежал человек и упал перед Софи на землю, касаясь пальцами ее ботинок.

В первую минуту она решила, что это житель поселка, расположенного выше по течению реки. Но лежавший поднял голову, и Софи услышала испуганные вскрики рабочих. Незнакомец приподнялся, и рабочие в одно мгновение исчезли в ночной темноте.

Последним был Машадо.

Неизвестный поднялся.

— Вы пришли из поселка? — начала Софи.

Тот не шевельнулся. Как жаль, что этот мерзавец Машадо сбежал. Было ясно, что необходим квалифицированный переводчик.

— Мсье да Пальха! — крикнула Софи через плечо.

Полог палатки зашелестел, и девушка услышала, что Мариано остановился за ее спиной.

— Где вы раздобыли этого серого, мадемуазель?

При мерцающем свете костра Софи не успела разглядеть незнакомца как следует. Но теперь она видела, что он не похож ни на европейца, ни на аборигена. Серая кожа как серые лохмотья. Держался незнакомец прямо, но с видимым трудом. Можно было предположить, что он прошел не один десяток километров без воды и пищи. Софи и Мариано смотрели на него в замешательстве, не зная, что предпринять.

— Он вышел из темноты, — отвечая на вопрос молодого человека, проговорила Софи. — Выбежал как раз в ту минуту, когда ваши соотечественники собирались поступить со мной так же, как туземцы с капитаном Куком. Этот несчастный упал у костра, и ваши смельчаки разбежались, вопя что-то несусветное. Вид у них был такой, словно перед ними появился сам дьявол.

— Рабочие были с вами непочтительны? Я предупреждал вас, мадемуазель Берже, что первое время вы должны вести все переговоры только через меня и Машадо. Но... замечаете, что он абсолютно не понимает нас?

— Вы знаете местные наречия. Попробуйте хотя бы приблизительно договориться с ним.

Мариано заговорил с пришедшим; он слушал внимательно и, как показалось молодым людям, чуточку снисходительно.

— Не понимает, — констатировал Мариано. — Это не бразилец, я вам гарантирую. И вообще не житель Латинской Америки. Взгляните на его римский профиль, тонкие губы. Или мне кажется, или у него совершенно отсутствуют брови и ресницы.

— Типичный монстр, — кивнула Софи. — Несмотря на римский профиль. Но что нам с ним делать?

— По-моему, прежде всего накормить, — предложил Мариано.

— Вести его в нашу палатку?

— Ну, зачем же, вынесем столик сюда, к костру.

Никого из рабочих так и не было видно. «Трусливые мерзавцы, — шипела Софи, — завтра же рассчитаю поло-

вину». Незнакомец все так же неподвижно стоял у костра, словно все происходящее его не касалось. Мариано подошел к нему и тронул его за плечо. Незнакомец вздрогнул, взгляд его сразу стал осмысленным, и Мариано подумал, что тот, вероятно, спал стоя и с открытыми глазами.

Да Пальха подвел гостя к столу и усадил на складной стул.

— Одну минуту, — сказала Софи и побежала в палатку. Она вернулась тотчас же и, нагнувшись сзади над Мариано, сунула ему что-то тяжелое в боковой карман куртки. Молодой человек опустил руку в карман: это был револьвер.

— Ужин начался в теплой, дружественной обстановке, — прокомментировал Мариано и положил на тарелку гостя порцию дымящихся бобов.

Незнакомец обнюхал еду, потом быстро погрузил в нее указательные пальцы обеих рук и, действуя ими, как деревянными палочками, начал есть неторопливо, но с видимым наслаждением. Очистив тарелку таким образом, он ее старательно вылизал, откинулся на спинку стула и издал неопределенный стонущий звук, который можно было расценить только как выражение острого блаженства.

Ни Мариано, ни Софи не притронулись к еде. Их обоих переполняла невыносимая смесь жалости и отвращения, сострадания и брезгливости. Вызвано это было даже не странным способом принятия пищи. Их ошеломило другое: на негнущихся серых пальцах прищельца не было ногтей. Не то что они были кем-то сорваны — нет: их явно не было никогда.

— Теперь я понимаю, — прошептала Софи. — Этот несчастный урод все-таки европеец, вернее сын европейских родителей. Такие дети, я знаю, рождаются у людей, работающих с радиоактивными веществами. Самым правильным было бы убить его еще младенцем.

— Мадемуазель Берже, я все-таки не уверен, что он ничего не понимает. Будьте осторожнее.

— Ох, да Пальха, вы думаете, ему самому это не приходило в голову? Ручаюсь, что не раз. Дайте-ка ему лучше еще чего-нибудь.

Мариано достал коробку сардин и принялся ее открывать, искоса поглядывая на гостя.

— Боюсь, что вы неправы, — заметил он. — Этому человеку не меньше тридцати лет. Тогда еще не было никакой атомной бомбы, слава богу.

— Но исследования велись, и как раз без соблюдения техники безопасности.

— Может быть. Но он не понимает местных наречий, и потом его способ питаться...

— Наверное, и это можно как-то объяснить.

Мариано пожал плечами и протянул гостю открытую коробочку с сардинами. Но незнакомец вдруг шарахнулся в сторону, замахал руками, и его всего затрясло, словно от страха или отвращения. Он не успокоился, пока злополучная жестянка не была отнесена в палатку.

— Ну, ладно, — сказал Мариано, — пока закипает кофе, попробуем объясниться при помощи карандаша и бумаги. Боюсь, что бедняга просто глухонемой.

Карандаш и бумага появились на столе; придвинутые к незнакомцу, они не произвели на него никакого впечатления. Молодые люди разочарованно переглянулись.

— Начну-ка я сам, — предложил Мариано и, взяв карандаш, принялся кое-как изображать усатого ковбоя. Глаза незнакомца округлились, он выхватил карандаш, обнюхал его, поднес к уху, словно прислушиваясь, потом быстро придвинул бумагу к себе и начал наносить на нее непонятные волнистые линии, зигзаги и пятна. Это была радость дикаря, получившего ни с чем не сравнимую игрушку.

— Придется завтра заехать в Жеремуабу и сдать его местным властям. Бедняга заслуживает приюта умалишенных.

Между тем незнакомец начал издавать какие-то странные звуки; увлеченный рисунком, он, по-видимому, сам не замечал, что они непроизвольно вырываются у него. На-

верное, это была песня, потому что звучали только гласные различной тональности.

— Мариано, — вскрикнула вдруг девушка, — вы видите, что он рисует? Это же план местности!

— Черт меня подери, это карта окрестных штатов. Да, это Васа Баррис, ее характерные изгибы... Но ведь для того, чтобы нарисовать такой план, надо видеть местность с самолета!

— Нарисуйте ему самолет, — посоветовала Софи.

Самолет был изображен и передан незнакомцу: тот крутил рисунок так и этак, переворачивал вверх ногами, в конце концов пририсовал ему лапы, глаза и клюв. Затем вернулся к первому рисунку. У изгиба Васа Баррис он поставил крестик. «Наш лагерь», — прошептала Софи. Потом он несколько помедлил и поставил второй крест в левом верхнем углу листа. Рядом со вторым крестом он изобразил продолговатый овальный предмет.

— Галоша, — предположил Мариано.

— Или лодка.

Возле предполагаемой галоши появились крошечные пляшущие человечки; три фигурки, покрупнее других, были расположены горизонтально. От их голов расходились радиальные лучики. Точно такую же фигурку, с волосиками-лучами вокруг головы, он нарисовал у первого креста, обозначавшего лагерь близ Канудуса.

Затем он выразительно постучал пальцем себя в грудь и указал на четвертую фигурку.

— Он хочет сказать, что это он, — догадалась Софи. — Но зачем он нарисовал себе волосы? Ведь он абсолютно лыс.

— Наверное, это означает, что он считает себя святым.

— Или мудрецом.

— Это нетрудно проверить, — сказал Мариано и начертил прямоугольный треугольник. На двух катетах он нарисовал квадраты и протянул незаконченный чертеж гостю.

Незнакомец, почти не глядя, отбросил чертеж с тем же безразличием, как и рисунок самолета. Было видно, что он торопится объяснить что-то свое, до смерти ему необходи-

мое. Он ткнул пальцем в темноту, где должны были располагаться убогие домишки нового Канудуса, потом довольно точно изобразил вакейрос — местного пастуха, и рядом с ним — собаку. Затем он показал на пастуха и потом — на себя, сделал это несколько раз и ткнул пальцем вверх, в черное тропическое небо. Затем точно так же он указал на тождество между «пляшущими человечками» и собакой.

— По всей вероятности, тут личные обиды на жителей какого-то поселка, — предположил Мариано. — Сейчас сбегаю за планшетом и заодно сниму с огня кофе.

Он вернулся, неся планшет, походный кофейник и плоскую флягу.

— Этому парню надо выпить, — сказал он. — Тогда мы окончательно найдем общий язык.

Незнакомец принял коньяк восторженно: высосал половину кружки и попросил знаком еще. Мариано с сомнением покрутил головой, но налил. Чувствуя, что больше ему не дадут, незнакомец решил продлить удовольствие, он опускал в кружку указательные пальцы, а потом поочередно обсасывал их. Мариано между тем сравнивал свою карту с рисунком гостя.

— Или он напутал, — произнес он наконец, — или на месте его «галoши» нет никакого селенья. Напротив, это совершенно безлюдная область, гористая и почти непроходимая.

— Послушай-ка, парень... — обратился он к гостю.

Но «парень» не расположен был слушать. С лихорадочной быстротой он набрасывал на бумаге то громадный баобаб с танцующими вокруг дикарями, то обыкновенную свинью вполне европейского вида, то какой-то нелепый саркофаг, то вполне приемлемое изображение Сатурна. В заключение этой фантастической галереи появился человек, своим характерным профилем напоминающий Машадо.

— А-а-а! — восторженно вопил незнакомец, указывая то на Машадо, то на Софи. — А! — он с силой бил ладонью по бумаге, потом кланялся Софи, а в заключение указывал на нее, на себя и на небо.

— Мне пришлось съездить вашему мулату по роже, — сказала мадемуазель Верже. — Он хамил. Я вижу, что этот факт произвел на нашего гостя неизгладимое впечатление. Но не нужно было давать ему спиртного.

Мариано нахмурился. Было видно, что он собирается ответить Софи, но подыскивает наиболее вежливую форму. В этот момент незнакомец с диким воплем вскочил, указывая на заросли каатинга.

Луна еще только всходила, а костер догорал; заросли слились в сплошной черный массив. Но гость верещал, как заяц, указывая то на рисунок, изображающий Машадо, то на кусты.

— Мариано, — неуверенно проговорила девушка, — или этот пьяный дурак меня напугал, или там действительно кто-то есть. Я чувствую, что на меня смотрят.

В этот момент незнакомец вдруг выхватил из складок своей хламиды какой-то узкий, черный предмет, размахнулся и с гиканьем пустил его в темноту.

И в ту же секунду упал на стол, гулко ударившись головой.

В зарослях раздался крик, выстрел, и пуля просвистела над самой головой упавшего незнакомца. Софи и Мариано подхватили его под руки и поволокли к палатке. Безжизненно повисшее серое тело было до неправдоподобия легким.

— Ящики с оборудованием — к двери! — крикнул Мариано, когда он вбежал в палатку. — У рабочих оружия нет, разве что пара старых ружей у жителей поселка. До утра продержимся, даже если они попытаются нас атаковать.

Пока Софи подтаскивала к выходу ящики, Мариано включил рацию и попытался связаться с департаментом полиции. Но для старенькой походной станции это было нелегкой задачей. Между тем незнакомец, которого оставили прямо на полу, пришел в себя и медленно приподнялся.

— Тихо, ты, — сказала ему Софи, словно он мог ее понять. — Влипнем из-за тебя...

Но он продолжал подниматься, глядя вверх широко раскрытыми немигающими глазами, и тонкие серые пальцы побежали по окружающим его предметам, словно он их не видел. Он ощупывал походную койку Мариано, потом дотронулся до руки Софи — и вдруг с отчаянным воплем упал на пол и забился не то в истерическом смехе, не то в эпилептическом припадке. Мариано бросился к нему и, оторвав его от пола, повернул к себе.

Лицо передергивалось чудовищными гримасами, но широко раскрытые глаза были неподвижны.

— Мне кажется, он ослеп, — прошептал Мариано.

Услышав его голос, незнакомец схватил его за руку и быстро, захлебываясь и переходя на плач, заговорил на своем непонятном языке. Он все время повторял одно и то же, всего две фразы, и выбрасывал руку вперед, словно указывая на угол палатки. Но там, кроме баула с личными вещами Софи, ничего не было. Он кричал, приказывал, звал, предупреждал.

— На что он показывает? — тихо проговорила Софи. — Или ему что-то чудится?

На губах человека выступила лиловая пена, он опустился на пол и затих. Софи наклонилась над ним и, преодолевая брезгливость, положила руку ему на грудь.

— Мариано, — крикнула она, — сердце не бьется! Срочно необходим врач!

— Здешние врачи, мадемуазель, не многим отличаются от коновалов, и потом они, как правило, не располагают рациями. Но я попытаюсь.

Серый человек не шевелился, лицо его потемнело, и если бы не тонкие черты лица, он мог бы сойти за негра. Глаза были по-прежнему открыты.

— Он все еще указывает туда...

— Куда? — спросил Мариано, занятый своей рацией.

— На северо-запад. Туда, где он поставил второй крест и нарисовал пляшущих человечков.

— Утром, когда выяснятся отношения и можно будет собрать рабочих или нанять новых, придется закопать тело.

— Боюсь, Мариано, что вы никого не соберете и никого не наймете. Они бежали от него, как от дьявола... бежали и вопили что-то на своем языке.

— Вы не запомнили, что они кричали?

Она произнесла непонятное ей слово, звучание которого врезалось ей в память. Мариано вздрогнул и отшатнулся.

— Вы знаете, что оно означает? — спросил он. Софи покачала головой. — Оно значит: «прокаженный».

Оба с ужасом смотрели на тело, растянувшееся на полу у их ног.

— Нет-нет, — проговорила, наконец, Софи. — Просто это человек не такой, как мы с вами.

Мариано пристально посмотрел на широко раскрытые слепые глаза, на серую руку и тихо произнес:

— С некоторых пор я начал сомневаться в том, что это вообще человек.

Съездить в Сельцо удалось в конце мая: в цеху меняли оборудование, и Маркову предложили неделю за свой счет.

Можно и позагорать, и порыбачить. Вот только на охоту срок не выходил, и Марков с сожалением оставил двустволку в ленинградской квартире.

Нефедов встретил Маркова так, словно тот всю жизнь останавливался только у него.

Наутро, запасясь двумя ломтями вчерашней драчены и соврав для порядку, что пошли на сенокос, Марков отправился в лес вместе с Нефедовым-внуком. Марков не первый год знал мальчика, но имени его как-то не догадывался спросить, потому как в семье звали его все, не исключая матери, просто «внуком».

По прямой до бывшего дома лесника оказалось идти не шибко долго. Старый забор, кое-где полегший за полгода сиротства, не закрывал покосившегося домика, и еще издали Марков уловил что-то новое в столь привычной ему картине. Сначала подумалось, что мешает буйная зелень — как-никак, наезжал он сюда только зимой. Но, зайдя на двор,

он понял, что было лишним: толстенное и безлистное дерево, невесть откуда взявшееся сразу за домом.

Марков подошел поближе, завернул за угол, где сиротливо притулилось крылечко о две ступени, и ахнул: дерево росло не за домом, а прямо из самой его середины. Крыша разъехалась надвое, и из нее, как свеча из именинного пирога, торчал здоровенный черный ствол.

Марков велел «внучку» не соваться, а сам налег на перекошенную дверь и очутился в пустой горнице.

Первое, что попало ему на глаза, была развороченная печь. На гряде кирпичей, цепко охватив ее узловатыми корнями, уходящими в подпол, и покоился огромный ствол невиданного доселе дерева. Марков погладил его по черной блестящей коре. Кора была теплой. Марков отдернул руку и пошел кругом, осматривая ствол. В одном месте черная кора лопнула. И при свете, падающем из расколовшейся надвое крыши, Марков увидел под корой серую, ноздреватую массу, похожую не на древесину, а на какой-то пористый минерал...

А. Шалимов

ГЛАВА III

Подошла очередь писать мне, и ситуация уже настолько запуталась, что я решил — без геологов не обойтись. Ведь геологи привыкли разгадывать всякие загадки... Поэтому я попросил вмешаться моего приятеля — Алексея Осиповича Савченко.

— Ну и что вы на это скажете, Алексей Осипович?

Главный геолог экспедиции задумчиво потер лысину, кашлянул, покачал головой. Не глядя пошарил в выдвинутом ящике письменного стола, достал сигарету, долго разминал ее пожелтевшими от табака пальцами; заправил было в янтарный мундштук, потом снова вытащил и принялся поправлять противоникотинный фильтр.

Кавтарадзе терпеливо ждал. На лысину главного геолога опустился неизвестно откуда взявшийся комар. Кавтарадзе неожиданно для себя загадал: если Савченко сейчас прихлопнет комара, то вся эта дурацкая история, на которую он — начальник геологической партии Элгуджа Кавтарадзе — уже потерял полдня, окажется именно тем, чем ей и полагалось бы быть — бесстыдной выдумкой...

Савченко прихлопнул комара и растер его в пальцах, бормоча:

— Ты смотри... В Ленинград залетают, негодяи: на Средний проспект...

— Лето дождливое, Алексей Осипович, — заметил Кавтарадзе.

Савченко раскурил сигарету, встал, подошел к геологической карте Ленинградской области, висевшей на стене кабинета, и принялся что-то рассматривать на ней, глядя поверх очков.

— Сельцы вот тут, — сказал он наконец и провел по карте пальцем. — Три года назад мы возле них скважину хотели бурить...

Кавтарадзе превосходно знал, где находятся Сельцы, но о скважине слышал впервые.

— Скважину ту не утвердили, — продолжал Савченко, почесывая за ухом. — А между прочим, жаль... Место там первый сорт. Рыбы на озере... Ведром брать можно. Я там в шестьдесят втором щучку взял... Во!..

Он показал руками, какая была щука.

— Э-э, Алексей Осипович, значит, в том месте и раньше чудеса случались, — невинно заметил Кавтарадзе.

Савченко бросил на него сердитый взгляд поверх очков.

— Насчет щуки я вполне серьезно...

Кавтарадзе подумал, что и тот забавный волосатый дядька Марков или как там его, так же вот перед уходом сказал: «На счет этого дерева я вполне серьезно... Вы не сомневайтесь, товарищ геолог, простите, не выговорю ваше имя-отчество...»

— Твой второй поисковый отряд где базируется? — заинтересовался вдруг Савченко.

— В Лепишках, Алексей Осипович.

— М-да, далековато... Тогда вот что, Элгуджа, придется тебе самому в Сельцы съездить и этого почтаря Нефедова отыскать. И если он...

— Алексей Осипович!..

— Если этот почтарь существует и подтвердит хоть что-нибудь, придется сторожку обследовать. И не просто, а с радиометром!

— Куры в Сельцах засмеют, Алексей Осипович.

— Ну и шут с ними, с курами... от смеха никто не помер.

— Неужели вы...

— Я тебе вот что, Элгуджа, скажу. Перед войной работал я в Приморье, на Дальнем Востоке. И пришел ко мне однажды дед-нанаец. Наверно, лет сто ему было с гаком. Принес, понимаешь, кусок кварца — простого белого кварца. И рассказал легенду про Золотую падь. Красивая легенда! Мол, золота там лежит под ногами великое множество. Да люди не видят его, а не видя — не верят, что оно там есть... И сотни, мол, лет проходят мимо своего счастья. Он тоже проходил не раз... Не воспользовался. И хочет он теперь, на закате жизни, чтобы внуки его это счастье своими руками взяли. Нараспев он это рассказывал, с волнением, со слезами... Ну, словом, все его за чокнутого принимали, никто, конечно, не верил, а он все ходил с одного рудника на другой и этот свой белый кварц всем показывал...

— Интересно, — не без ехидства заметил Кавтарадзе, — а вы ему, конечно, сразу поверили...

— Я ему, конечно, тоже не поверил, — спокойно продолжал Савченко. — Нет, не поверил. Но этот его кварц дал на анализ. Чем черт не шутит... И оказалось, в нем столько золота, Элгуджа, мелко рассеянного, что я вначале подумал, не спятили ли химики. Оказалось, не спятили... Нашли мы эту Золотую падь. И месторождение золота, богатое, между прочим, именем того нанайского деда окрестили. Вот так, Элгуджа. Конечно, случается и брешут, когда приходят со всякими заявками, или по незнанию обращаются, но раз обратились, надо проверить. Просто необходимо...

— Алексей Осипович, когда заявка на руду, кто станет спорить? Но тут-то: сказка тысяча и одной ночи... Какое отношение к геологии имеют призраки викингов или «ведьмино дерево»? Разве это наше дело? Завтра какая-нибудь

бабка в Лепишках явление богородицы узрит; вы тоже проверять пошлете? У меня план... Кто выполнять будет? По моему, так: пусть этот дядя идет в милицию, в газету, в исполком, еще куда-нибудь. Ведь он же прямо сказал: «Пришел в ваш институт, потому что живу рядом». Где логика? Был бы рядом пивной завод, он туда пошел бы. Нельзя так! Он чуть-чуть ненормальный, сразу видно. А вы проверять... Радиометром! Даже слушать досадно!

— Ну ладно, ты, Элгуджа, зря разошелся... Я тебя не сию минуту посылаю. Поедешь во второй отряд и заверни в Сельцы по дороге...

— Ничего себе по дороге!..

— Завернешь. А сам не сможешь, поручи кому-нибудь из ребят. Людям надо верить. Ты вон как: я тебе про щуку сказал, а ты сразу что подумал? Вот то-то и оно... В следующий приезд в Ленинград доложишь, как и что... Ну, а если этот Марков того, — Савченко покрутил пальцем у виска, — что поделаешь... Разные бывают заявки. Пустых, Элгуджа, всегда больше.

Кавтарадзе не сразу собрался съездить в Сельцы. Вспоминал диковатый рассказ Маркова, хмурился... Обязательно засмеют... Сам же Савченко потом издеваться станет: вот, мол, наш начальник поисковой партии Кавтарадзе ездил проверять, кто в Сельцах на помеле летал... Вай-вай, посмешищем станешь. Ребята в экспедиции зубастые... Еще и в стенгазете продернут... Надо же было в то злополучное утро приехать в Ленинград! Не приехал бы, и послали бы этого Маркова к кому-нибудь другому... Иногда Кавтарадзе вспоминал про комара, которого в тот день прихлопнул Савченко. Становилось легче: если вовремя загадал и получилось, значит, так и есть. Конечно, в Сельцы он как-нибудь съездит, но разговаривать там будет осторожно...

Однако вскоре события приняли неожиданный оборот. В пятницу вечером Кавтарадзе приехал в Лепишки на базу второго поискового отряда. Никого из ребят на базе не было — не вернулись из маршрутов. Хозяйка, у которой сни-

мали пол-избы, принесла Кавтарадзе холодного молока, свежее испеченного ржаного хлеба. Пока он пил молоко, негромко рассказывала:

— Дотемна работают твои парни-то. И что за работа. Ходят и ходят... Уйдут чуть свет, а придут затемно. Тут вот днем телеграмму принесли. Может, чего срочного. А они когда приволокнутся...

— Кому телеграмма? — поинтересовался Кавтарадзе, наливая еще молока.

— Фамилии какое-то мудреное. Да я их по фамилиям не знаю. Я их всех по имени кличу.

Она ушла в свою горницу и тотчас возвратилась с телеграммой.

— Ого, молния! — поднял брови Кавтарадзе.

Глянул на адрес и вытаращил глаза. Молния была адресована ему.

Он торопливо вскрыл телеграмму. Мелькнула подпись — академик Петров. Никогда еще Элгуджа Кавтарадзе не получал молний, подписанных директором института. Да что молний, даже телеграмм за его подписью не приходилось получать.

Элгуджа пробежал глазами текст и похолодел. Текст гласил:

«Предлагаю немедленно прибыть институт всеми материалами проверки данных Маркова. Транспортировку каменного и прочего материала произвести максимальной осторожностью соответствии инструкции 013».

Из служебных пометок явствовало, что молнии аналогичного содержания были посланы и в другие отряды, где мог находиться Кавтарадзе, а также на базу партии. Элгуджа закусил губу. Очевидно, его разыскивают уже не первый день. И, как назло, в геофизическом отряде, откуда он только что приехал, два дня не работала рация...

Он перечитал телеграмму... Инструкция 013?.. Еще не легче! Ведь это же инструкция о порядке хранения и транспортировки радиоактивных минералов...

«Будет шашлык, — решил про себя Кавтарадзе, — большой шашлык с перцем. Что там стряслось? Наверно,

этот чертов Марков обратился в более высокую инстанцию, оттуда позвонили директору... Это было бы еще полбеды... А при чем инструкция 013? Впрочем, теперь гадать бесполезно. Надо действовать. Немедленно. До Сельцов отсюда по дорогам далеко. И дороги дрянные... Последние дни

шли дожди. Застрянешь с машиной в лесу. Если бы напрямик по озерам? Но где достать моторку?.. Может, хозяйка знает...»

Старуха на вопросы отвечала односложно, с обидой поджав губы.

Лодки в деревне, конечно, есть... Найдутся и с мотором... Только на ночь глядя навряд кто поплывет...

Услышав про Сельцы, она всплеснула руками, перекрестилась, зашептала испуганно:

— Не проедешь, сынок. Милиция все как есть дороги перекрыла. И на протоке из нашего озера кордон поставили. Мышь не проскочит. Эпидемию там какую-то нашли. Кого в больницу

забрали, кому на месте уколы дают. Из нашей больницы, почитай, всех врачей туда взяли. И всё через старого лесника, не будь к ночи помянут. Давно про него с матерью худое говорили... Накликал беду и сбежал неведомо куда...

«А дело-то все больше запутывается, — соображал Кавтарадзе. — Вот тебе и загадал на комара... Это, конечно, тот лесник, про которого рассказывал Марков...»

— А что за эпидемия?

— Да кто ее знает. Одни говорят, мол, ровно подурели все в Сельцах, с ума рехнулись, а другие, — старуха огля-

нулась и, наклонившись к самому уху Кавтарадзе, зашептала, — другие такие страсти рассказывают: мол, люди там в диких зверей переменяются — шерстью все обросли: и мужики, и бабы, и дети малые. Все как есть от самых глаз по ноги...

— Выдумают тоже! — не выдержал Кавтарадзе, но тут вспомнил буйноволосоного, заросшего до самых глаз густой рыжей щетиной Маркова и осекся.

— Ребята мои знают про эти разговоры? — спросил он после короткого молчания.

— Может, и слышали чего, — неохотно ответила хозяйка, снова обидчиво поджав губы.

— Когда же все началось?

— Это чего?

— Ну, милиция и разговоры разные.

— Да болтают с неделю, а милиция — второй день.

— Ясно, — объявил Кавтарадзе. — Все ясно, бабушка. Значит, надо принимать решение...

— Чего, милай?

— Решение, говорю, принимать надо. Иначе шашлык... Начальник из меня шашлык сделает... У кого в деревне моторка-то есть?

— У Фроловых. Как в деревню въезжал — первый дом по левой руке возле озера. Только навряд ли у них кто дома...

— Это даже к лучшему, — обрадовался Кавтарадзе.

— Чего? — не поняла старуха.

— К лучшему, говорю.

— И то... Он мужик боязливый. Не согласится плыть...

— А где он моторку держит?

— За садом, на берегу. Там у него мостки деревянные. У мостков моторка. Только навряд уговоришь.

— И я так думаю... Значит, дело такое, бабушка: придут мои ребята, пусть сразу бегут к Фролову. А не застанут меня, пускай тут ждут. Чтобы ни шагу с базы. Ни ночью, ни утром. Пока не вернусь. Поняли?

— Поняла, чего не понять. Скажу, к Фроловым за моторкой пошел. И чтобы, мол, ждали...

— Вот именно. Спасибо за угощение.

Кавтарадзе сунул телеграмму в полевую сумку, нахлобучил шляпу и выбрался в сени. В сенях он долго копался в углу, где было сложено оборудование отряда. Найдя то, что было нужно, он перекинул через плечо маленький пластмассовый футляр радиометра, потом выбрал самый длинный щуп на гибком резиновом шнуре. Со щупом в одной руке и геологическим молотком в другой Элгуджа направился через огороды к озеру.

* * *

— Нашли кому поручить, — брезгливо цедил академик Петров, постукивая янтарным мундштуком по полированной поверхности письменного стола, — Кавтарадзе! Теперь будем хлопать глазами перед комиссией! Вы его телеграмму видели? Бред какой-то...

Савченко со вздохом пожал плечами. Возражать было нечего, да он предпочитал и не возражать начальству, особенно когда начальство сердилось.

— Подумать только, — продолжал академик, — на территории, где мы столько лет ведем работы, происходят совершенно невероятные события, а мы узнаем об этом последними. И когда от нас требуют объяснений, мы ничего объяснить не можем. А почему? Потому, что мы не знаем, что творится у нас под носом. Позор! Ну что вы молчите, Алексей Осипович, скажите хоть что-нибудь.

— Поначалу все это не выглядело так серьезно, — пробормотал Савченко. — Да и этот Марков показался мне — того...

— И ничего вас не насторожило в его рассказе?

— Я дал указания Кавтарадзе...

— Не напоминайте мне о нем! — подскочил в кресле академик. — Не хочу слышать этой фамилии. Называется, начальник партии! Сначала его нигде не найти. Потом, когда его уже ждут в институте, он оказывается задержан-

ным милицией. И за что? За угон моторной лодки. Нашел время для рыбной ловли! А вместо объяснений дурацкая телеграмма...

— Его не выпускают из-за карантина; вот он и прислал телеграмму...

— Благодарю за разъяснение, Алексей Осипович. Сам я никогда не догадался бы! Вот что, дорогой мой, придется вам ехать вместе со мной на очередное заседание комиссии.

— Но я... — начал было Савченко.

— Вы слышали подробный рассказ Маркова, вы давали указания этому вашему, — академик махнул рукой, — ну, словом, начальнику партии... Вот все и объясните комиссии.

— Наверно, Марков лучше это сделает.

— Да поймите вы, что Маркова сейчас нет...

— Как нет? — поднял брови Савченко.

— Его пришлось поместить в клинику... нервных болезней.

— Ого!

— Кажется, с ним началось то же, что с жителями Сельцов. Кстати, Алексей Осипович, а вы... вы у себя ничего такого не замечали?.. Вы ведь тогда долго беседовали с Марковым. Вдруг это действительно заразно?..

Савченко поспешно взглянул на свои пальцы, потрогал ладонью подбородок, с сомнением покачал головой:

— Пока вроде ничего... Может, эпидемия в Сельцах — сама по себе?.. А Марков — он и раньше был немного того...

— И лесник, выражаясь вашей терминологией, тоже «того»? Ведь и его найти не могут.

— Найдут... Лесник давно оттуда уехал. Мог в Сибирь или на Дальний Восток махнуть. Там не сразу сыщешь.

— Ну, а наведенная радиация вокруг домика старика? — не сдавался академик. — Судя по всему, именно наведенная радиация и какие-то непроверенные, но весьма странные явления, которые происходили в брошенной лесной сторожке, и послужили причиной эпидемии.

— Это медики придумали. Они никогда не сталкивались с такой болезнью, вот и мудрят... А с радиацией тоже не все ясно. Кто ее наблюдал? Школьники из Сельцов с учителем физики! А Кавтарадзе проверял радиометром. И, судя по телеграмме, никакой радиоактивности не обнаружил...

— Ваш Кавтарадзе попал к шапочному разбору. Что он мог найти, если от сторожки осталась куча пепла?..

— Молния сожгла сторожку незадолго до его приезда. Если бы что-то было, пепел показал бы повышенную радиоактивность.

— Как у вас все хорошо получается, — снова вспылал академик, — Марков «немного того»; лесник уехал просто так; наведенной радиации вообще не было; в Сельцах ничего не произошло. Особую комиссию создали от нечего делать. Все болваны. Один Кавтарадзе орел... Ну, а сама эпидемия? Это факт или тоже выдумки? Эпидемия, карантин и все прочее...

— А что — эпидемия? Мало ли какие болезни бывают...

— Однако в «викингов» Маркова вы поверили? — прервал академик.

— В викингов? — растерянно повторил Савченко. — В викингов я... Ну что вы!..

— Зачем же тогда поручили Кавтарадзе проверить на месте рассказ Маркова?.. Молчите... Вот то-то и оно. А дело в том, что при всей неправдоподобности рассказа Маркова есть в нем что-то такое, что заставляет поверить. Слишком уж все реально, чтобы быть галлюцинацией. Если бы Марков не пережил всего этого сам, он бы не смог так рассказать... И вы это почувствовали, и потому вы интуитивно ему поверили. Поверили, несмотря на всю неправдоподобность рассказанного. Так чего же вы теперь на попятную идете? Давайте выяснять все до конца.

— Ну, пусть будет по-вашему... — хмуро буркнул Савченко. — Конечно, если подумать, выглядит все бредово, но, с другой стороны... Раз уж нас в эту историю втравили, придется выяснять...

— Тогда прячьте подальше свой показной скептицизм и поехали на заседание комиссии.

Зазвонил телефон. Академик Петров взял трубку.

— Да... Да, это я... Нет, нашего сотрудника не будет. Он... его тоже задержали в зоне карантина... Заседание отменяется? А можно узнать почему?.. Так... Интересно... Весьма интересно... Перешлите мне, пожалуйста, этот материал... Нет, перевод не нужен, я читаю по-португальски... Благодарю, буду ждать... Да, мы попытаемся это сделать... Еще раз благодарю. До завтра.

Директор отложил трубку, сделал пометку в перекидном календаре и повернулся к Савченко:

— Заседание перенесено на завтра. Выяснились кое-какие новые обстоятельства, проливающие свет на события в Сельцах. И знаете где?.. В Южной Америке. Там зафиксированы такие же заболевания. Интересно, не правда ли?.. Кстати, председатель комиссии обещал похлопотать за вашего Кавтарадзе. Может, его к завтрашнему дню доставят в Ленинград. Но вы, Алексей Осипович, на всякий случай постарайтесь связаться с ним по телефону еще сегодня. Пусть объяснит все как следует...

Выйдя из кабинета директора, Савченко еще раз перечитал злополучную телеграмму:

«Ленинград Минерал академику Петрову. Задержан милицией связи карантинном угоном моторки тчк Слухи подтвердились факты нет тчк Все порядке тчк Завпочтой Нефедов больнице зпт дом лесника сожгла молния зпт ничего интересного не обнаружил зпт образцов нет зпт пепел нормальный тчк Прошу ходатайствовать освобождении целую Кавтарадзе».

«Вообще-то все ясно, — рассуждал Савченко, направляясь в свой кабинет. — Зря старик взбеленился. Вот только «целую»... Чего ради Элгуджа вздумал поцеловать нашего директора?..»

Париж переживал очередную сенсацию. Утренние газеты вышли тройными тиражами.

«Летающие тарелки над столицей Франции», «Тысячи парижан наблюдали загадочное явление», «Неведомая угроза или попытка контакта», — кричали огромные заголовки на первых полосах. Несмотря на летнее время, газеты расхватывались молниеносно.

Самое удивительное заключалось в том, что сенсационные сообщения отнюдь не были вымыслом. Многие жители Парижа и окрестностей действительно видели минувшей ночью светящийся шар. Сопровождаемый огненным шлейфом, шар неторопливо проплыл в темном небе, гася ближайšie звезды. Он появился на западе низко над горизонтом. Достигнув зенита, резко развернулся и, увеличив скорость, стремительно исчез, словно удалился прочь от Земли. Несколько астрономов-любителей успели сделать снимки таинственного небесного тела. Теперь эти снимки украшали первые полосы газет.

В потоке сообщений очевидцев и в бесконечных комментариях по поводу загадочного явления затерялась краткая корреспонденция из Южной Америки. В «Paris Journal» вначале предполагали дать ее на второй полосе, но после экстренной переверстки номера место для нее нашлось лишь в самом низу шестой. Набранная петитом, эта заметка не привлекла почти ничьего внимания, а между тем и в ней сообщалось об удивительном небесном объекте, недавно пролетевшем над Поко-да-Крус.

«Поко-да-Крус — небольшой городок в штате Пернамбуку в северо-восточной Бразилии снова привлек всеобщее внимание, — писал бразильский корреспондент «Paris Journal». — Еще не утихли толки о загадочной эпидемии, жертвами которой стали сотрудники гидрогеологической экспедиции, возглавляемой инженером Этьеном Бретта, а в Поко-да-Крус — новая сенсация. Три четверти взрослого населения городка согласно утверждают, что видели на закате дня восемнадцатого июля удивительный корабль, пролетевший над крышами их домов. По рассказам очевидцев, корабль напоминал огромную туфлю или калошу. Он

не имел ни парусов, ни винтов, но летел со значительной скоростью и сильным шумом. Многие твердят, что сквозь шипение и гул, издаваемые корпусом корабля, слышали доносившиеся изнутри крики и нечеловеческий вой. Перепуганные обитатели Поко-да-Крус провели ночь и половину следующего дня в церквах, ожидая конца света. Однако загадочный корабль больше не появился. Ведется расследование.

В настоящее время еще не ясно, стали ли жители городка жертвами какой-то странной мистификации или в Поко-да-Крус имела место массовая галлюцинация. Известный психолог профессор Игнацио да Сильва склоняется ко второй точке зрения, тем более что одним из симптомов таинственной болезни, поразившей в том же районе сотрудников гидрогеологической экспедиции, явились галлюцинации, сопряженные с утратой памяти. Пользуемся случаем сообщить читателям газеты, что состояние здоровья нашей соотечественницы гидрогеолога Софи Берже, принимавшей участие в экспедиции Этьена Бретта, улучшается. Впрочем до полного выздоровления еще далеко, ибо бразильские медики пока не могут найти радикальных средств лечения этого странного заболевания».

— Вот видишь, дружище, галлюцинация! — усмехнулся Антуан Берже, передавая газету Роже Латуру. — Кто поручится, что и в Париже вы все не стали жертвами галлюцинации?

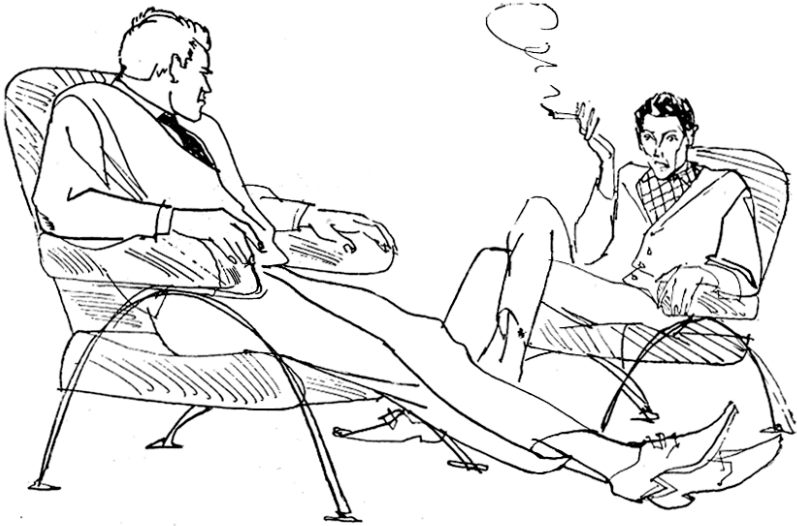
— А фотографии? — возразил Роже, наливая коньяк. — Если удалось сфотографировать, значит, галлюцинация исключена.

Они сидели на террасе длинного, похожего на аквариум здания аэропорта Орли: маленький узколицый черноволосый Роже Латур, аспирант-лингвист из Сорбонны, и его приятель — известный археолог и боксер-любитель Антуан Берже — массивный, широкоплечий блондин с крупной головой на короткой шее и резкими, словно грубо выструганными из темного дерева, чертами лица.

— Может быть, и в Поко-да-Крус кому-нибудь удалось сфотографировать эту штуку? — предположил Роже.

Антуан чуть заметно шевельнул светлыми, выгоревшими бровями.

— Впрочем, не думаю, чтобы это могло быть как-то связано, — продолжал Роже, — я имею в виду болезнь Софи и сегодняшнюю заметку в «Paris Journal». Хоть корреспондент и вспоминает о твоей сестре...

— Только затем, чтобы придать видимость истины бесстыдной стряпне, — заметил Антуан.

— Ты думаешь, это утка?

— Конечно...

— Но сообщения о болезни участников экспедиции впервые были опубликованы именно в «Paris Journal».

— Они тоже преувеличены. Убежден, прилечу — и все окажется иным...

— Тем не менее ты твердо решил увезти Софи во Францию.

— Не знаю... Прежде всего надо выяснить, что с ней стряслось. Из телеграмм и газетной болтовни трудно что-нибудь понять.

— Конечно, Софи ужас как не повезло... В двадцать шесть лет!

— Она дура, — резко прервал Антуан. — Сама виновата! Все ее отговаривали от этой поездки... Нет, захотела экзотики, самостоятельности, известности. Ну и получила, что хотела. Теперь о ней пишут в газетах... Только спасибо за такую известность...

— Твоя сестра поправится, обязательно поправится. И все будет хорошо... Однако, Антуан, — Роже решил переменить тему, — что же все-таки произошло сегодня ночью над Парижем? Что ты думаешь по поводу этих таинственных шаров?

— Ничего не думаю... Я их не видел...

— Я тоже не видел. Тем не менее все твердят о них. И в газетах полно... Да кроме того, если удалось сфотографировать, значит, они были...

— Вероятно...

— Но все-таки откуда они? Что они такое?

Берже не ответил. Он, прищурившись, глядел на залитые солнцем взлетные полосы.

— Мне кажется, правы те, кто связывает их с инопланетными пришельцами, — продолжал Роже. — Еще никогда их существование не проявлялось с такой очевидностью. И, в сущности, у нас нет оснований особенно удивляться. Космос населен, мы убеждены в этом. Почему бы кому-то не прилететь к нам, прежде чем мы сами сможем осуществить межпланетный полет. Возможно даже, этот их прилет не первый... Я занимаюсь сейчас расшифровкой и интерпретацией кумранских рукописей. Теми, знаешь, наиболее сложными и спорными текстами, которые вызывают особенно серьезные разночтения. Уверяю тебя, множество противоречий удалось бы снять, если допустить, что авторы ранних кумранских текстов были свидетелями прилета на Землю космических гостей. Я собираюсь написать об этом в диссертации...

— В таком случае ее провалят, — бросил Антуан, продолжая следить за стартующими самолетами.

— Приведу доказательства...

— Доказательств нет... Есть слова, которые можно истолковать так или иначе. А доказательств нет... Я просеял сквозь сита не одну тысячу кубометров земли по всему Средиземноморью. И я не нашел ничего аномального... Последовательное преемственное развитие средиземноморских культур не нарушалось инопланетным вмешательством. Человеческую историю творили люди Земли. Впрочем, отложим спор. Мне пора. Объявлена посадка на самолет в Рио. И мой тебе совет: не будь слишком прямолинейен... Перед тобой лабиринт. В лабиринтах почти каждый прямолинейный ход кончается тупиком...

Они спустились в первый этаж и прошли к выходу на посадочные перроны.

— Сегодня ночью ты увидишь Южный Крест, — задумчиво сказал Роже. — Южный Крест в черном экваториальном небе. А тут над Парижем...

— Снова появится загадочный шар?

— А почему бы и нет?

— Убежден, что нет... Это был бы прямолинейный ход через лабиринт.

— А если они так захотят?

— Они?

— Да. Именно они... Те, кто уже давно обосновался на околоземных орбитах... Может быть, с последней войны или раньше. Ведь то, что произошло вчера, это сигнал. Сигнал нам — людям Земли... Может быть, по каким-то причинам они не в состоянии высадиться на нашей планете. Они наблюдали нас в течение какого-то времени и теперь решили, что пора...

— Этак и то, что произошло в Поко-да-Крус, можно истолковать как сигнал...

— А почему бы и нет...

— Прощай, Роже. Мне кажется, ты слишком увлекся интерпретацией кумранских текстов. Тебе надо отдохнуть. Поезжай к морю...

— Сейчас не могу... Счастливого пути, Антуан. И передай мой привет Софи!..

* * *

Серебристая «каравелла» только что стартовала с аэропорта Дакар. Через несколько минут разноцветные огни города и аэродрома растворились в черноте тропической ночи. Берег Африки остался где-то позади... Внизу непроницаемый мрак без единого огонька — Атлантический океан. Выше — черный безлунный свод ночного неба в густой искристой россыпи звезд. Прислонившись лбом к холодному стеклу иллюминатора, Антуан Берже бессознательно отыскивает знакомые созвездия. Вот и Южный Крест, о котором вспоминал Роже: слева по курсу, еще у горизонта... Поднимаясь все выше и выше, он будет сопровождать самолет до самого Рио...

В салоне полумрак. Большинство пассажиров уже спит, откинувшись в креслах. Монотонно гудят моторы. С присвистом похрапывает сосед Антуана, вытянув длинные ноги в клетчатых носках. Бесшумно скользит вдоль салона стюардесса. Заметив, что Антуан не спит, девушка наклоняется к нему:

— Мсье, что-нибудь надо?

— Нет... А впрочем — один коньяк.

Рюмка с коньяком появляется тотчас же.

— Благодарю. Когда мы будем в Рио?

— Через семь часов. В три утра по бразильскому времени. Эта ночь будет долгой, мсье.

Стюардесса делает движение, чтобы отойти.

Но Антуану так не хочется остаться одному наедине со своими мыслями. Он делает знак рукой, и девушка возвращается.

— Мсье еще что-то надо?

— Нет, а впрочем, да... Я хотел спросить. Вы вчера были в Париже?

— О, да, мсье, — девушка оживляется, — и я видела его — этот огненный шар. Это было так страшно!

— Страшно? — Антуан разочарован: снова этот шар, а ведь он задал свой вопрос лишь затем, чтобы сказать что-нибудь.

— Конечно... Ведь они, наверное, оттуда... со звезд, — девушка поднимает палец вверх. — И они что-то хотят от нас... Может быть, они угрожают. А разве мсье думает иначе?

— Я ничего не видел вчера, — медленно говорит Антуан. — Наверно, поэтому я думаю иначе. Скорее всего это природное явление: при сильной ионизации воздуха могли образоваться большие сгустки плазмы — ионизированного газа. Ночью они светились... Это редкое явление, но иногда оно наблюдается...

Теперь явно разочарована девушка.

— Да, — говорит она, немного подумав. — Но все-таки интереснее, если бы они были — со звезд...

«Странно, что все думают об одном и том же, — размышляет Антуан, — думают и боятся; боятся и тем не менее желают этого. А вот как бы повело себя человечество, если бы космические гости действительно вдруг объявились? Ведь формы жизни могут быть любыми... Люди мечтают о встрече с человекоподобными красавцами, которые привезут на серебряном подносе все то, чего нам сейчас не хватает. А если бы вдруг появились уроды, чудовищные страшилища с нашей общечеловеческой точки зрения?» Антуан вдруг вспоминает газетную статью о происшествии в Поко-де-Крус и усмехается: «А что, если кто-то инсценировал подобных пришельцев?..»

Девушка с интересом ждет, что он скажет.

— Не хотел бы вас огорчать, — говорит Антуан, — но думаю, что такая встреча, если даже она и возможна, произойдет не скоро... И, наверно, она не самое главное... У человечества столько других проблем, которые обязательно надо решить, прежде чем думать о межзвездных встречах. Мы так мало знаем о Земле, о нас самих, о нашем прошлом... На Земле еще столько голодных и обездоленных...

— Да, конечно, мсье, — чуть слышно соглашается девушка.

Самолет вдруг резко кренит. Антуан чувствует, как упругая нарастающая сила вдавливают его в кресло. Он пытается приподняться, чтобы глянуть в окно, и не может. Стюардесса каким-то образом очутилась на коленях у человека в соседнем кресле. Она старается встать, но безуспешно.

— Э-э, мисс, что за шутки? — бормочет, просыпаясь, сосед Антуана.

Самолет на мгновение выравнивается, но тотчас новый вираж возвращает нарастающую волну тяжести.

Вспыхивают красные надписи на сигнальном табло. Из динамика доносится голос капитана. Он что-то говорит о стартовых поясах, о сохранении спокойствия... Разбуженные пассажиры зашевелились. Слышны испуганные восклицания, плач ребенка.

Стюардессе удается наконец встать. Антуан видит совсем близко глаза девушки. В них испуг и немой вопрос.

— Вероятно, ураган, — быстро говорит он, помогая стюардессе выбраться в проход между креслами.

— Да, мсье, — шепчет она, — но погода на трассе была отличная... Прошу сохранять спокойствие, — громко обращается она к пассажирам, — это ветер. Здесь иногда бывает. Пристегнитесь, пожалуйста, к вашим креслам...

Самолет резко кренит то в одну, то в другую сторону. Стюардесса уцепилась за спинки кресел. Антуан видит, что она прилагает все силы, чтобы удержаться на ногах. Сосед Антуана вдруг начинает скулить:

— Мисс, мне плохо, пакет...

— Стойте и не двигайтесь! — кричит Антуан девушке. — Иначе вас разобьет. А ну, тихо, — наклоняется он к соседу, — ни звука, сэр!

Сосед испуганно откидывает голову.

— Молодой человек, как вы смеете... — бормочет он. — Я профессор ботаники... Меня зовут Харальд фон Брусвеен... Я...

Новый рывок, еще более сильный, чем предыдущие. Сзади слышны испуганные крики, кто-то начинает громко молиться.

«Кажется, мы теряем высоту... Неужели?» — Антуан бросает взгляд на стюардессу. Широко раскрытые глаза девушки устремлены в иллюминатор.

Антуан с трудом поворачивает голову. За темным контуром скошенного крыла — яркая серебристая полоса на далекой поверхности океана. Луна? Откуда она взялась сейчас?..

Медленно поворачивается горизонт, принимая почти вертикальное положение. Полоса серебристой зыби растекается вдоль него, отражаясь в посветлевшем небе. Звезд не видно, только Южный Крест блестит высоко над горизонтом...

«Откуда свет? — мелькают мысли в голове Антуана. — Это не Луна... Она в последней четверти и должна взойти через несколько часов. Полярное сияние? Но мы почти над экватором... Космическая катастрофа?.. Атомная война?..»

Еще один стремительный вираж. На мгновение начинает казаться, что посветлевшее небо и покрытый серебристой зыбью океан поменялись местами. Но вот самолет выравнивается, и Антуан, прижавшись лицом к стеклу, видит наконец источник загадочного свечения. Большой бледно сияющий шар в ореоле голубоватого света, посте-

ленно увеличиваясь в размерах, идет на сближение с самолетом. Он то исчезает, то снова появляется в поле зрения, все разрастаясь, светлея, гася звезды. Антуан начинает догадываться, что виражи самолета — всего лишь попытки капитана уйти от неизбежной встречи.

Спазматическая дрожь сотрясает корпус воздушного лайнера. Чудовищные толчки и рывки теперь следуют один за другим, словно «каравелла» мчится по огромным каменистым ухабам. Сквозь прерывающийся гул моторов Антуан слышит вопли, крики ужаса. Но он уже не в силах оторвать взгляда от иллюминатора. Свет за окном становится все ярче. Светящийся шар совсем близко. Неужели столкновения все-таки не избежать?..

Вдруг пол кабины начинает стремительно уходить из-под ног. Корпус самолета наклоняется все круче. Лайнер пикирует вниз к серебристой полосе на поверхности океана. Где-то совсем рядом проносятся похожие на облака полосы голубоватого светящегося тумана. И лишь на какое-то мгновение Антуан успевает разглядеть сквозь туманную вуаль какой-то светящийся предмет...

Затем все тонет в непроглядном мраке. Вдавленный в кресло нарастающим ускорением, Антуан не может пошевелиться. Что-то тяжелое придавило ноги. Он с трудом опускает глаза. Красноватые вспышки сигнального табло освещают скорченную фигуру на полу между креслами. Это девушка-стюардесса.

«Надо помочь ей... — думает Антуан, — помочь...» Но он не в состоянии даже шевельнуть пальцем. Скорость нарастает. Поверхность океана, должно быть, совсем близко...

Александр Мееров

ГЛАВА IV

В наше время биологи делают так много фантастически интересных открытий, что, на мой взгляд, никакая фантастика на биологическую тему не может быть слишком фантастичной.

Когда Мариано да Пальха вынужден был отвезти в Ресифи заболевшую француженку, Машадо согласился остаться в группе старшим. Но он не простил оскорбления и не забыл пощечины. О, если бы это сделал мужчина! Машадо рассчитался бы с ним мгновенно, но женщина... Что ж, приходилось смириться... Пока...

Приняв группу, Машадо начал с того, что выгнал трусов и крикунов, испугавшихся серого — он оказался вовсе не прокаженным, а, как говорили, посланцем иного мира, — набрал людей помоложе, покрепче и двинулся с ними в глубь гилей.

Поставленная перед ним задача представлялась несложной. Надо было подойти как можно ближе к тому месту, на которое указал серый, разведать, есть ли там поляна и есть ли на поляне какое-нибудь сооружение, похожее на ладью.

О результатах разведки надлежало сообщить в Ресифи по рации.

Однако все оказалось гораздо сложнее. Трудности начались с первого же дня, а опасности преследовали маленькую группу на протяжении всего похода. Машадо никогда не бывал раньше в этой части страны, и ему пришлось целиком положиться на местных проводников. Но и они, умудренные опытом, не смогли уберечь группу от несчастий. Умер от укуса змеи молодой носильщик, при переправе через бурный поток половина продовольствия и снаряжения была потеряна, на старшего проводника напал ягуар, и группе, к тому времени уже посаженной на скудный паек, пришлось нести раненого на носилках.

Машадо начали одолевать сомнения: может быть, все это чья-то выдумка, может, серый бредил и никакая ладья вообще не прилетала? Подбадривали, правда, известия из Поко де Крус. В этом городе многие видели странный воздушный корабль. Без крыльев и винтов, он со свистом пролетел над самыми крышами домов. И Машадо подгонял себя и своих спутников до тех пор, пока с возвышенности южнее Бадако не открылся вид на обширную поляну.

Сначала Машадо не заметил ладьи. Внимание его привлекли человечки — маленькие, голые, в ярких разводах по всему телу. В сильный бинокль было видно, как они суетятся, бегают по поляне необыкновенно легко, как муравьи, действия которых представляются бессмысленными, пока не приглядишься и не поймешь, что все они постоянно заботятся о своем муравейнике... Вскоре Машадо увидел какое-то огромное серое тело, грузно лежащее у самого края поляны. Часть его была освещена солнцем, а часть скрывалась в глубокой тени деревьев. Оно казалось похожим на раздувшийся кокон и вовсе не походило на корабль. Что-то в его облике все время неуловимо менялось. Так незаметно, но непрерывно меняет свое положение часовая стрелка...

Еще в детстве Машадо любил все живое. Целые дни он просиживал в лесу, наблюдая за полетом пестрых туканов, следил, как охотится дикобраз, или разыскивал в чаще пау-

ков-птицеедов. Но наибольшее удовольствие он получал, устраиваясь вблизи муравейника, следя за жизнью муравьев, казавшейся такой разумной.

Привыкший подмечать то, что неуловимо для людей, равнодушных к природе, Машадо видел, чувствовал, что пестрые связаны со своим подвижным домом не просто как муравьи с муравейником, и следят за ним не как за машиной, а как за огромным и добродушным домашним животным...

День кончался, наваливалась ночь — стремительно, как обычно в тропиках. Досадуя, что ночь помешает наблюдениям, Машадо уже решил отправиться в палатку, но в это время на поляне все изменилось. Ковчег, словно огромная, брошенная под гигантскими деревьями гнилушка, начал светиться в темноте.

На рассвете Машадо поднял людей и попробовал еще раз прорваться сквозь заросли. Однако прорубиться топорами и мачете через плотный зеленый барьер не удавалось. Видно, попасть на поляну можно было только при помощи вертолета. Машадо присел к радиопередатчику и отстучал просьбу к Мариано да Пальха раздобыть вертолет. Он знал, что это не так просто, и поэтому, не дожидаясь ответа, продолжал попытки прорваться сквозь заросли, делая по две-три вылазки в день.

Во время одной из таких безуспешных вылазок, усталый, изодранный колючками Машадо уже собрался вернуться в лагерь, как вдруг увидел гигантский поваленный бурей макаранг. Дерево упало, подмяв своих меньших братьев, и в чаще образовался просвет. Машадо взобрался на ствол толщиной в три обхвата и двинулся по нему. Когда этот своеобразный естественный виадук, нависший над расщелиной, кончился, Машадо увидел протекавший внизу ручей, скорее даже речушку, неширокую, спокойную в этой низинной части предгорий.

План созрел моментально: следовало побыстрее вернуться в лагерь и запастись веревками. Если спуститься со ствола к ручью, то можно, пожалуй, и не дожидаясь вертолета попытаться проникнуть в табор пестрокожих. Идти по бе-

регу речушки будет куда легче, чем через заросли, и речушка, возможно, приведет к заветной поляне.

Машадо прополз еще три метра. Внизу, прямо под ним, журчал неширокий поток. Стоит привязать за ствол веревку, и можно будет спуститься к реке. Несколько километров пути, и цель будет достигнута!

Машадо повернул было обратно, но в это время раздался треск. Верхушка мертвого дерева не выдержала, обломилась, и разведчик полетел в пропасть.

От Рио-де-Жанейро до Ресифи Антуан Берже ехал поездом. Две тысячи километров, разделяющие эти города, разумнее было бы преодолеть самолетом, но после встряски, полученной над Атлантикой, Антуан чувствовал неприязнь к воздушным лайнерам. Правда, тогда все кончилось благополучно — командир «каравеллы» сумел уйти от загадочного предмета, окруженного светящимся облаком, пассажиры отделались испугом, лайнер приземлился в Рио, и все же... Потом, вероятно, это пройдет, но пока... пока лучше поезд.

Отдохнув в комфортабельном купе, Антуан Берже попробовал спокойно разобраться в случившемся. Софи, — боже, сколько с ней всегда возни — во всем виновата Софи... Может быть, и не следовало вылетать из Парижа. Была ведь телеграмма, в которой Софи уверяла, что совершенно здорова. Ах, знаем мы эти уверения...

На вокзале его встретили Софи и Мариано да Пальха. Пожимая руку галантному бразильцу, Антуан оглядывался на сестру: черт возьми, она здорово изменилась. Тропическое солнце пошло ей на пользу. Только вот зачем она выкрасила волосы в черный цвет? Впрочем, задавать вопросы женщине по поводу ее прически по меньшей мере бестактно.

Молодые люди втиснулись в раскаленную духоту машины, и Мариано повел автомобиль к отелю. Пока они пробирались через бесчисленные пробки на перекрестках, Со-

фи успела в общих чертах рассказать брату о событиях, связанных со встречами с серым, и о своей болезни.

— Ты знаешь, Антуан... — Софи закидывала голову, встряхивая гривой иссиня-черных волос, — сначала я готова была покончить с собой, страшная вялость, апатия... А потом волосы... они не то что вылезли, они просто опали с меня, как осенние листья с каштанов. Ах, если бы ты видел в тот момент свою сестренку... Мариано говорил, что с голой головой у меня был вид ящерицы. Подтвердите, Мариано, что это правда.

— Но ящерицы — прелестные создания, сеньорита...

— Благодарю вас, Мариано. А потом... Потом стали расти новые волосы не по дням, не по часам, они росли на глазах... Боже, мне все время хотелось есть. И я ела, ела, хоть и ни капельки не растолстела, правда, Антуан? А волосы выросли как будто даже совсем не мои. Ты потрогай их...

Антуан осторожно провел рукой по голове сестры. Что поделывать, он любил эту взбалмошную девчонку... А волосы под его рукой и правда были удивительные: тяжелые и скользкие, как конский хвост.

Да Пальха остановил машину у дверей высокого белого здания.

— Отель «Насьональ». Здесь ваш номер, мсье Берже.

Софи коснулась пальцем щеки инженера.

— Мариано, сколько раз вы уже успели сегодня побриться?

— Дважды, сеньорита.

— Поздравляю. — Она повернулась к Антуану. — Знаешь, Мариано тоже болел. Но легче. Несколько дней подавленного состояния, а потом необходимость непрерывного бритья. Он брился по четырнадцать раз в день...

Маленький повидавший виды «мерседес» отъехал от подъезда. Мариано еще предстояло найти место, куда бы приткнуть машину.

— А сейчас, Антуан, ты переоденешься, примешь душ — и в институт к сеньору Алвисту.

Профессор Алвист — высокий, морщинистый старик с длинным яйцеобразным черепом принял Антуана очень приветливо. Он наговорил гостю множество приятных слов, вспомнил встречи с отцом Антуана на международных симпозиумах и конференциях и пригласил осмотреть институт. Они шли по длинным коридорам, заглядывали в хорошо оборудованные лаборатории, знакомились с сотрудниками. Наконец профессор остановился. Открыл большую белую дверь и широким жестом пригласил Софи, Антуана и Мариано войти.

В полумраке тихо гудели трансформаторы. Перемигивались разноцветными лампочками приборы. Посреди комнаты на столе, закрытом силиконовым колпаком, лежал серый. Он спал. Его узкую голову с характерным костным гребнем посередине охватывали многочисленные электроды. Датчики давления, термодары были разбросаны по всему его мускулистому телу. Лента одного прибора была вся исчеркана поперечными полосами. Софи поехала. В помещении было прохладно.

— Мы вынуждены были понизить температуру, чтобы приостановить пробуждение мозга. У нас создалось впечатление, что умственная деятельность этого... — профессор помолчал, пожевал губами и осторожно продолжил, — этого существа, освободившись от каких-то подавляющих воздействий, стала бурно функционировать, грозя перейти в бесконтрольный процесс. Организм может не выдержать напряжения.

Антуан повернулся к ученому.

— Ах, сеньор Алвист, чего бы я, кажется, не отдал, чтобы увидеть сны этого человека...

— Человека?

— А разве вы сомневаетесь в этом? Весь его облик...

— Анатомическое сходство еще не является доказательством. Кое в чем он действительно похож на нас с вами, но... мы сделали рентген. Даже в строении скелета имеются отличия.

— Это может быть результатом уродства, вырождения. Какое-нибудь неизвестное науке племя, сохранившееся в глубинах гилеи...

— Активность его мозговой деятельности отнюдь не свидетельствует о вырождении. Перед нами удивительная загадка природы...

— Знаете, профессор, у меня, кажется, есть идея...

В дверь постучали: «Сеньор профессор, телефон из Поко да Крус. Просят подойти сеньора да Пальха».

Мариано рванулся из лаборатории. Стуча каблуками по каменным плитам, за ним поспешила Софи.

— Это от Машадо, идем...

Когда Антуан с профессором Алвистом вошли в приемную, разговор уже был окончен. Стиснув голову руками, в кресле сидел Мариано. Софи нервно ходила по комнате, сердито выговаривала что-то инженеру.

— Что случилось, Софи?

Девушка остановилась на полуслове. Она круто повернулась к брату и, метнув яростный взгляд в сторону Мариано, объяснила:

— Машадо нашел их. Всех, всю компанию вместе с летающим ковчегом! Он просит прислать вертолет. Иначе до поляны, на которой остановились пришельцы, не добраться. Ты понимаешь, всего-навсего паршивенький вертолет — и мы их накроем... А Мариано говорит, что мне давно пора ехать к шефу, заниматься прямым делом... Грозит разрывом контракта...

— Вертолет, вертолет... — Профессор Алвист подошел к столу, глаза его молодо заблестели. — Конечно, можно обратиться к американцам, они не откажут. Но там, где гринго, там нет чистой науки... И все-таки выход есть!

Несколько минут спустя курьер института спешил по раскаленным улицам Ресифи, держа в руках конверт, адресованный местной дирекции национальной телевизионной компании.

Выходя из приемной директора института, Мариано да Пальха задержал Антуана.

— Уговорите вашу сестру не ввязываться в эту историю. Машадо не вернулся в лагерь. Поиски ничего не дали...

Сознание вернулось внезапно. Еще не открывая глаз, Машадо услышал какие-то голоса, шелест листьев. Тогда, падая, он успел подумать: «Расшибусь о камни!» А затем сразу мрак, тишина. И никакой боли... Странно.

Он открыл глаза. Над ним колыхались ветви карнаубы. Видно, это они спасли его, смягчили удар. Сколь же времени прошло с момента падения? Машадо с трудом поднялся, осмотрелся кругом.

На залитой солнцем поляне сновали пестрые. Ковчег был совсем близко. Машадо, шатаясь, пошел в ту сторону. Ему хотелось пить. Но ощущения страха не было. Он даже плохо понимал, зачем идет...

И вдруг он услышал шум вертолета. Сразу на поляне все изменилось. Еще до того, как вертолет показался над возвышенностью, пестрые выскочили из чащи и столпились у ковчега.

Сверкая на солнце лопастями винтов, вертолет сначала повис над поляной, потом стал медленно снижаться. И в этот момент пестрые полезли в ковчег. Машадо даже не заметил, когда возле широкой щели осталось всего три фигуры. Двое — высокие серокожие и рядом один маленький — пестрый. Пестрый поглядел на Машадо, что-то резко крикнул и ткнул одного серого копьем. Тот проворно попятился и полез в щель. Потом тупое копье уткнулось в грудь Машадо, отгесняя его к корме. Машадо не сопротивлялся. Здесь, возле ковчега, он выполнял то, что ему приказывали, как механизм. Что-то парализовало волю и оставило в нем единственное желание — держаться рядом с удивительным кораблем, не уходить от него... Он покорно подошел к корме, встал рядом с серым и навалился на пористую, покрытую темными потеками стенку. И вот стена дрогнула, отодвинулась, Машадо вынужден был переступить, чтобы не упасть. Он не удивился тому, что они вдвоем

с серым сдвинули эту громадину. Он не удивился бы сейчас ничему...

А ковчег явно двигался. Сначала потихоньку полз по поляне, выбираясь на простор. Серокожий, опасливо косясь на пестрого малыша, стал обходить корму по направлению к щели. Пестрый снова ткнул Машадо копьём, и тот, словно в полусне, последовал за серокожим. Ковчег уже не полз, он скользил по траве, набирая скорость. Машадо стал отставать. И вдруг десятки маленьких цепких рук подхватили его, щель, будто живая, распахнулась, пропуская человека. Он вдохнул резкий, какой-то уксусный запах и провалился в темноту. А где-то уже почти рядом, сквозь рев и треск мотора вертолета, слышался женский крик: «Машадо! Машадо!»

Владимир Дмитриевский

ГЛАВА V

До сих пор свое отношение к фантастике я выражал только в критических статьях. И вот пробую фантазировать сам — ух, до чего трудно!

События последних недель казались Антуану каким-то бредом. Известие о болезни Софи. Ночной полет через Атлантику. Встреча со светящимся шаром, чуть не закончившаяся катастрофой. Тайственные дикари, летающие над Южной Америкой в допотопной ладье. А может быть, и не только над Южной Америкой?.. Исцеление сестры, не менее загадочное, чем ее болезнь. Серая мумия в лаборатории профессора Алвиста... Мутный поток дешевой сенсации, захлестнувший страницы газет, предположения одно чудовищнее другого...

«Черт меня дернул бросить раскопки и ехать сюда, — думал Антуан. — Больше всего это похоже на мистификацию. Но кому она нужна и зачем?»

Уже вторую неделю Антуан торчал в Манаусе вместе с Софи и Мариано да Пальха. Теперь, когда в поиски таинст-

венной ладьи включились самолеты и вертолеты, она вдруг бесследно исчезла. Исчез и Машадо...

— Бред какой-то... Бред, порожденный удушающей тропической жарой и ядовитыми испарениями гилеи, — пробормотал Антуан, отшвырнув скомканную газету.

На первой полосе какой-то журналист совершенно серьезно вещал, что «летающие дикари» — авангард космической армии, прибывшей из ядра Галактики и готовой начать вторжение на Землю.

Зазвонил телефон у изголовья. Антуан взял трубку и услышал голос Софи:

— Проснулся? Быстрее одевайся и иди в холл. Вести от Машадо...

И вот они, все трое, сидят в номере да Пальха и разглядывают незнакомого человека в лохмотьях. Изможденное смуглое лицо, ключья кустистой бороды, лихорадочно блестящие глаза.

— Кто ты?—в третий раз спрашивает да Пальха.

Незнакомец пытается ответить, но из горла вырывается лишь невнятный хрип. Голова бессильно откидывается на спинку кресла.

— Этот человек предельно истощен, — Антуан резко отодвинул кресло, встал. — Дай ему коньяка, Софи.

Рюмка коньяка, влитая в рот незнакомца, подействовала мгновенно. Он открыл глаза, прижал к груди худые руки.

— Ради мадонны, поешь... И я все расскажу вам, сеньоры.

Софи торопливо налила кофе, пододвинула ветчину. Незнакомец быстро расправился с ветчиной, запивая ее огромными глотками кофе. Еще не прожевав последнего куска, начал рассказывать:

— Я — Жоакин Мауро, сборщик орехов. Меня просил найти вас человек, который называет себя Машадо. Я...

— Ты его видел? Что с ним? — перебил его да Пальха.

Как бы защищаясь, Жоакин простер руку, раскрыв грязную окровавленную ладонь.

— Я все расскажу, сеньор... Но, умоляю, не перебивайте. Моя бедная голова может лопнуть. Я видел настоящих дьяволов, и они не исчезли, когда я осенил их крестным знамением. Пестрые маленькие дьяволы, сеньор. И самое страшное — они появились не из-под земли, а с неба! Было это так... Закурить бы, сеньоры...

Антуан протянул ему пачку сигарет. Жоакин выхватил одну, прикурил от зажигалки, с наслаждением затянулся.

— Так вот, сеньоры, я пробирался по лесу, у меня было хорошее ружье и мачете. Я не боялся ни ягуара, ни каймана. Для вооруженного человека, сеньоры, гилея — родной дом...

Да Пальха терпеливо переводил. Софи подумала о ягуаре, которого непременно подстрелит. Антуан покусывал мундштук потухшей трубки.

— Я простой метис, сеньоры, но я умею подписывать свое имя и много раз видел самолеты, прилетающие с побережья в Манаус. Но я никогда еще не видел летающей гамбарры...

— Гамбарры? — прервал Антуан.

— Плоскодонное судно для перевозки скота, — пояснил да Пальха.

— Она летела так свободно — и без крыльев! И в сто раз быстрее... Потом вдруг стала кружиться над гилеей. Сначала высоко, потом пониже, еще пониже... Я подумал: может, она за мной охотится? Скинул с плеча ружье, но она полетела дальше, все медленней и так низко, что, казалось,

вот-вот зацепится за вершины деревьев. Я побежал за ней. Думал, опустится на землю. Она летела, а я бежал, потом стал отставать и вдруг увидел автомобильную дорогу. А дальше — высокий глухой забор, за ним — крыши. Никогда не поверил бы, что в самом сердце гилеи может быть такая фазенда! И тогда я подумал: эта гамбарра, наверное, отсюда. Это ее фазенда!

— Вот видите, — насмешливо сказал Антуан, — ваши пришельцы имеют-таки своего хозяина. Все это, конечно, мистификация, мои дорогие. Вот так.

— Но рассказ не окончен, мсье Берже, — возразил да Пальха. — Продолжай, Жоакин.

Тот вскочил с кресла. Теперь он пытался изобразить в лицах все, чему стал свидетелем:

— Гамбарра садится на землю. Очень медленно, как перо фламинго. Села посредине просеки, на дороге. И тут в ее боку открылась дыра, словно рот, а из дыры как посыплутся... Да, сеньоры, теперь я знаю, что падре Франсиско ничуть не врал, говоря о жителях ада. Из дыры посыпались дьяволы! Маленькие, пестрые... Потом выволакивают человека! Бьют, щиплют, толкают — наверно, большой грешник. Он молчит. Я осеменяю себя крестом. Что делать? Как бороться с нечистой силой? Выбегаю на просеку, стреляю в небо — раз, два, три! Среди дьяволов переполох. Лезут в брюхо гамбарры, верещат, тащат за собой грешника. А он вдруг кричит мне: «Эй, парень, меня зовут Машадо. Найди сеньора Мариано да Пальха, скажи, что они притащили Машадо сюда! Получишь пару винтемоз! Торопись!» Я торопился, я очень торопился, сеньоры. Два винтема — большие деньги для сборщика орехов...

Да Пальха вынул из кармана несколько монет, протянул Жоакину.

— Что же было дальше?

— О, благодарю, сеньор. А дальше... Дальше я ничего не понял. Открылись ворота фазенды, выскочили здоровые парни, стали хватать дьяволов и пинками загонять в ворота. Ну, а потом кто-то стукнул меня по затылку... Пришел в себя — спеленат как младенец. Сквозь ветки вижу звезды.

Джип лезет напролом в самую чащу. Едем долго. Наконец, остановка, два парня молча вытаскивают меня из машины, швыряют на землю. Сами садятся в джип. Кричу, умоляю развязать меня. Ни слова в ответ. Карамба! И джип ныряет в темноту...

— Незавидное положение, — хладнокровно заметила Софи. — Что же было потом?

— Мне удалось перетереть веревки о корень. Ночь провел на дереве. Когда рассвело, выломал толстый сук и пошел через гилею. Святая мадонна! У меня не было даже мачете. Одни орехи и плоды бакури поддерживали мои силы. Видит бог, сеньор, никто, кроме Жоакина Мауро, не вырвался бы из этой лесной ловушки. И я шел, чтобы спасти себя и помочь этому Машадо. Такому же бедняге, как я сам. И вот я здесь.

Жоакин опустился в кресло.

— Ты честный и мужественный парень, — Антуан крепко пожал смуглую сухую руку метиса.

— Конечно, я был прав, — добавил он по-французски. — Фазенда в гилее — база ваших загадочных дикарей. Не удивлюсь, если внутри этой гамбарры окажется вполне современный двигатель. Но кому понадобилась подобная мистификация? Не знаю, не знаю... Эта часть бассейна Амазонки — белое пятно. Автомобильные дороги?.. Просто невероятно! А может быть, все же это база космических пришельцев? Нет, чушь!

— Мы должны выручить Машадо, — вмешалась Софи.

— Во всяком случае, надо отыскать таинственную фазенду... Но без проводника ничего не выйдет. А Жоакин едва ли согласится еще раз встретиться с нечистой силой.

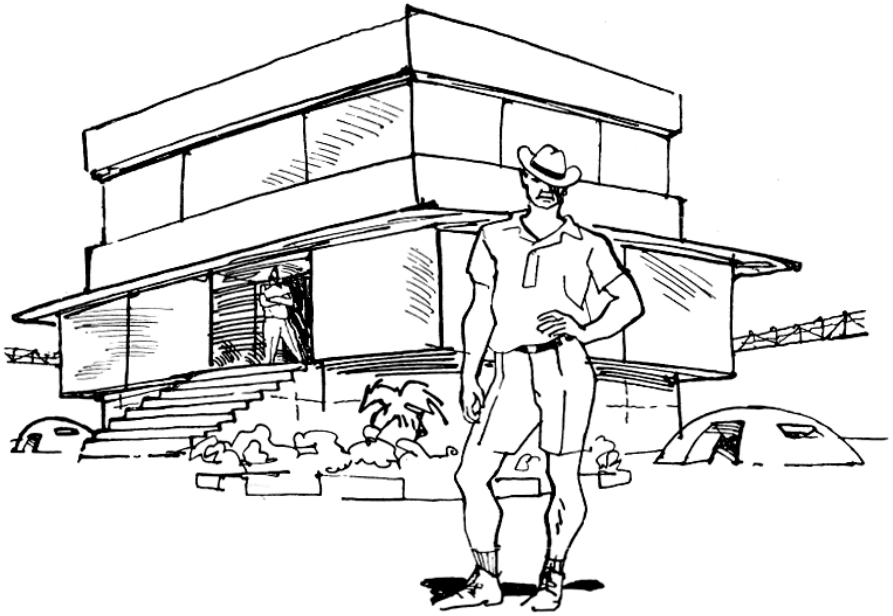
— Попробуйте все-таки уговорить его...

Да Пальха тронул за плечо задремавшего метиса.

— Скажи, друг, не мог бы ты, хоть приблизительно, показать на карте путь к фазенде?

Жоакин разлепил веки.

— Зачем, сеньор? Я пойду с вами. Мои глаза вернее всякой карты.

Дорога — настоящая автомобильная дорога — вонзалась в лесную чащу, как нож в брусок масла.

— Тут должен быть правый поворот, — уверенно сказал Жоакин, и шофер крутнул баранку.

Джип обогнул гигантскую сумамейру и остановился на краю зеленой поляны, гладкой, как футбольное поле. Подъехал и затормозил второй джип.

— Здесь, — сказал Жоакин. — Видите, под большими деревьями — забор фазенды.

У джипов остались два водителя и Жоакин.

Да Пальха, Антуан и Софи огляделись по сторонам и зашагали по направлению к фазенде. Пришлось сделать не менее двухсот шагов, прежде чем они приблизились к цели.

Их удивила прочность и высота забора. Справа от могучих ворот в забор была вправлена узкая белая дверь без всяких признаков ручки. Смотровое окошечко. Возле — кнопка электрического звонка.

Да Пальха покачал головой:

— Очень странная фазенда. Никаких плантаций вокруг... Кто здесь хозяева?

— Однако, нас не встречают, — Софи прищурилась, решительно протянула указательный палец и нажала кнопку звонка.

За воротами было тихо. Софи позвонила еще раз, потом еще и забарабанила кулаком в обитую металлом дверь. Наконец, послышался скрип тяжелых шагов по гравию и чей-то грубый голос спросил по-португальски:

— Что надо?

— Мы участники гидрологической экспедиции и хотели бы повидаться с хозяином, — ответил да Пальха.

— А зачем он вам понадобился? — спросил тот же голос, с трудом выговаривая португальские слова.

— Вы удивительно любезны, — не выдержала Софи. — Откройте хотя бы эту дверь и посмотрите, кто здесь.

— А я вас вижу, — по-французски ответил человек за воротами. — Итак, что вам надо?

— Немедленно доложите вашему хозяину, что группа ученых хочет его видеть! — резко сказал да Пальха.

Окрик неожиданно подействовал.

— Ладно... Но вам, сеньоры, придется подождать.

Послышались удаляющиеся шаги. За воротами стало тихо.

— Здесь не слишком гостеприимны, — усмехнулся Антуан. — Если б они еще знали, зачем мы тут...

— Помолчи, — прошипела Софи. — У этих стен наверняка есть и глаза и уши.

Прошло несколько минут. Наконец дверь распахнулась. Здоровенный привратник в легкой белой рубашке и шортах цвета хаки попытался изобразить на лице улыбку:

— Сеньор Брусвеен просит пожаловать к нему. Он особенно рад видеть вас, сеньора.

Привратник посторонился, пропуская путешественников. Едва Антуан, шедший последним, переступил порог, дверь захлопнулась со звуком, напоминающим пистолетный выстрел. «Вот мы и в мышеловке», — невольно подумал археолог.

Человек, увидевший зулусский крааль у подножия Эйфелевой башни, несомненно стал бы протирать глаза, правильно предположив, что такое может только присниться. Нечто подобное почувствовали участники экспедиции, очутившись на обширном дворе фазенды сеньора Брусвеена.

Асфальт. Столбы с паутиной электрических проводов. Огромный гараж — из его распахнутых ворот выглядывало сверкающее защитной краской рыло «доджа». В глубине двора — странные постройки из бетона, напоминающие доты, в центре — опоясанный верандой двухэтажный дом. Бетон, стекло. Квадратная башня десятиметровой высоты.

И все это в глубине экваториального леса, вдали от обжитых районов бассейна Амазонки.

Софи щелкнула языком:

— Чудеса! Ты не находишь, что мы совершили прыжок в одну из самых цивилизованных стран Европы?

— Чудеса только начинаются... — пробормотал Антуан, внимательно оглядываясь по сторонам.

На веранде их встретил сам фазендейро. Седой тучнеющий человек с высоким, но узким, словно стиснутым в висках лбом и почти прозрачными глазами.

— Харальд Брусвеен, — представился он. — Бесконечно рад встретиться с вами, господа. — Его французский язык был безукоризненным.

Путешественники в свою очередь отрекомендовались. Брусвеен церемонно склонился над рукой Софи. Его коротко подстриженные усы и густые брови были совсем белыми.

— Прошу, — Брусвеен распахнул двери, ведущие с веранды в просторный холл. — Здесь ванны. Освежитесь с дороги, а я отдам некоторые распоряжения. Живу отшельником, — продолжал он, разводя руками, — и, по правде сказать, не уверен, что смогу достойно принять таких неожиданных и приятных гостей.

— Не беспокойтесь, мсье Брусвеен, — сказал Антуан. — Мы только хотели спросить вас кое о чем. Это займет не часы, а минуты.

— Часы радости короче безразличных минут. В гилее не принято отвергать гостеприимство. Вы, господа, обидите старика, если откажетесь разделить скромную трапезу.

В манерах Брусвеена было что-то старомодное, милое... Кроме того, непринужденный разговор за столом мог пролить больше света на таинственную историю. Да Пальха переглянулся с Антуаном и решил принять приглашение.

Через полчаса, после прохладного душа, гости сидели за большим полированным столом, заставленным бутылками и множеством ароматных закусок.

Подняв первый бокал за встречу и знакомство, хозяин объявил, что уже более четверти века не был в Европе. Он — добровольный затворник и давно пришел к выводу, что человек остается человеком лишь тогда, когда находит способ уйти от политики.

— Я не выписываю газет и редко слушаю радио... — продолжал Брусвеен. — Получаю только специальные журналы. Что же касается предмета моих исследований — эк-

ваториальной флоры, то стоит выйти за порог дома — и гилея одаривает своими чудесами.

— Вы ботаник, мсье Брусвеен? — поинтересовался Антуан.

— Да, мсье, так же, как и мой отец, профессор Пер Антон Брусвеен. Мадемуазель, я рекомендую вам это вино. «Шато Марго» 1940 года. Виноделы считают этот год превосходным...

— Для французских виноделов этот год был черным, — заметил Антуан.

— Именно тогда я навсегда распрощался с Европой, — быстро сказал Брусвеен. — Кровь, насилие, кипение политических страстей — это не для меня. Я укрылся в гилее, как в монастыре, и не пожалел.

«Брусвеен, Брусвеен, — думал Антуан. — Откуда мне известна эта фамилия? Я никогда не интересовался ботаникой. Статей его я не мог читать. Откуда же я знаю эту фамилию?.. Кажется, от бразильской жары я перестаю сообщать...»

— Я только ученый, — продолжал хозяин, — и поклоняюсь одному владыке — хлорофиллу. Меня куда больше занимает трансформация его зерен, нежели трансформация политических режимов. Кстати, вы случайно не родственник профессоре Пьера Симона Берже?

— Он мой отец, — поклонился Антуан.

В прозрачных, как льдинки, глазах Брусвеена мелькнуло что-то похожее на изумление.

— Вот как... — протянул он. — Ваш отец был великим ученым.

«Вспомни, ну вспомни же! — приказывал себе Антуан. — Ты должен вспомнить. Этот странный человек имеет отношение к твоей собственной судьбе. Откуда он знает отца? Тот прославился открытиями в области ядерной физики именно в годы войны, уже когда Брусвеен, по его словам, жил затворником в Бразилии. Отец погиб в застенках гестапо в сорок четвертом...»

Внесли дымящееся, остро пахнущее блюдо.

— Вкусно, — похвалила Софи, пробуя огненную смесь из тушеной зелени, рачков и рыбы, обильно сдобренную красным перцем.

— У вас вкус настоящей бразильянки, — вежливо сказал да Пальха. — Каруру — наше любимое национальное кушанье, так же как у вас... гм... лягушки...

— Ненавижу лягушек, — отрезала Софи.

Подали кофе, ликер.

Решив, что наступил подходящий момент, да Пальха стал объяснять Брусвеену причину визита.

Тот слушал не перебивая, не задавая вопросов. Когда да Пальха закончил свой странный рассказ, Брусвеен снисходительно улыбнулся.

— Я читал в каком-то американском журнале вздор о летающих тарелках, — сказал он, неторопливо раскуривая сигару. — Но то, что вы рассказали мне сейчас, побивает все рекорды. Летающие лады... пестрые человечки... Ваш метис просто алкоголик. Я скромный ботаник, господа, но я привык к логическому научному мышлению. История, которую вы мне поведали, чудесна. Но смею вас заверить, что ни на территории моей фазенды, ни вблизи от нее никогда не происходило ничего сверхъестественного. А единственные мои гости за последние три-четыре года — это вы, господа.

«Если он даже сейчас и не лжет, — думал Антуан, — откуда все-таки я знаю его фамилию?..»

— Простите, мсье Брусвеен, — обратился он к ботанику, — вам приходилось встречаться с моим отцом?

В прозрачных глазах хозяина мелькнуло что-то похожее на колебание:

— Нет... То есть да... Впрочем, это было очень давно. Задолго до войны.

«Ложь, все это ложь, — твердо решил Антуан. — Может, он не тот, за кого себя выдает? Но тогда кто?..»

— Я мечтаю подстрелить ягуара, — сказала Софи.

— Я знал одного охотника, — голос Брусвеена звучал очень мягко, — он выходил на единоборство с ягуаром, вооруженный копьем. Считал, что ружье может отказать, а

копье... Впрочем, я не знаток охоты на диких зверей. Мое единственное оружие — ланцет, а добыча — листья и цветы.

— А из «вальтера» вы хорошо стреляете? — неожиданно спросил Антуан.

Брусveen широко распахнул свои прозрачные глаза.

— Я стрелял только из лука. Да и то в далеком детстве.

— Но неужели вам... — начал Антуан. Ему не удалось договорить.

В столовую без стука ворвался уже знакомый путешественникам привратник и гаркнул по-немецки:

— Герр Брусveen... Они там...

Яростный взгляд Брусveen ударил его словно хлыстом.

Извинившись, хозяин фазенды встал из-за стола и неторопливо подошел к привратнику. Минуту они тихо переговаривались. Потом Брусveen повернулся к гостям.

— Простите, господа... Произошло нечто непредвиденное.

Он был явно встревожен.

Гости поднялись. Поблагодарив за гостеприимство, распрощались с хозяином.

Он вышел на веранду, прощально взмахнул рукой.

И вот белая дверь в стене вновь раскрылась и захлопнулась со звуком, напоминающим пистолетный выстрел.

— Не кажется ли вам, что нас водили за нос? — спросила Софи.

— Герр Брусveen... Вот так, — сказал Антуан, напирая на слово «герр».

Жоакин ждал возле джипа.

— Здешний фазендейро утверждает, что не видел ни летающей гамбарры, ни маленьких дьяволят, ни Машадо, — сказал да Пальха.

— Карамба! Он лжет! Лжет! — темнея от гнева, закричал Жоакин.

Как бы в подтверждение его слов, за высокой бетонной стеной что-то громыхнуло, завыло, и продолговатое массивное тело свечой взметнулось ввысь.

— Ол-ля! Гамбарра! — завопил Жоакин.

Где-то недалеко затарахтел крупнокалиберный пулемет, прочертив зеленую стену леса и небо над ней бледно-розовым пунктиром трассирующих пуль.

— Единственное оружие — ланцет, — усмехнулся Антуан.— Вот так, друзья мои! Едем быстрее отсюда. Интересно, это бунт или Брусвеен пытался захватить то, что ему не принадлежало...

А. Шейкин

А. Томили

ГЛАВА VI

Кабы нам писать не продолжение, а начало, — мы бы еще и не такое напридумывали.

За окнами качались сосны, касаясь ветвями стен. Тишина и полная отрешенность от сумасшедшего темпа жизни современного города царили в клинике института высшей нервной деятельности.

Прошла уже неделя с тех пор, как в одной из палат появился странный пациент. Врачи, да еще врачи-психиатры — народ привычный, но и они оставляли работу, чтобы взглянуть на мешковатую фигуру, безучастно бредущую вслед за санитаром. Именно фигуру, потому что лица человека разглядеть было невозможно, оно все сплошь заросло густыми блестящими волосами. Однако не это явилось главной причиной его пребывания в клинике.

Этот больной, по фамилии Марков, был внешне безучастен к окружающему миру, хотя первая же цереброграмма показала непрерывную и бурную деятельность головного мозга. Вначале Марков еще хоть как-то отвечал на

вопросы, история его болезни заполнялась рассказом о пережитом им приключении. История получалась крайне несвязной, разорванной, а вскоре больной вообще замолчал.

Случай был чрезвычайно загадочный! Все усилия врачей разбивались о нечувствительность пациента к любому внешнему раздражителю. А ведь от этого человека ученые с таким нетерпением ожидали подробностей о посещении нашей страны неведомым летающим кораблем...

На расширенном консилиуме было решено: необычайным больным специально займется доктор Горелов.

— Алвист!.. Доктор Алвист!.. — Антуан мчался, опережая собственный голос. Белый халат, накинутый на него проворной медицинской сестрой, развевался за плечами. Секретарша профессора кинулась ему наперерез, но успела поймать лишь вихрь слетевших со стола бумаг. Дверь в кабинет шефа хлопнула.

— Вот! — Антуан кинул на стол перед Алвистом газету. — На странице четырнадцатой... Я отметил... Читайте, читайте!

Алвист развернул газету. Статья, отмеченная ногтем, не имела броского заголовка и настолько терялась среди остального материала, что было ясно: эта скромность преднамеренна. Статья посвящалась новому способу расширения излучений головного мозга, примененному в Ленинградском отделении института высшей нервной деятельности. Подробностей автор не приводил. Новое достижение советской науки он обрисовал сдержанно, зато в конце запускал «черный шар»: «Отныне ничто не может укрыться от глаз коммунистической Чека. Полный видеоконтроль над мыслями — вот что означает новое изобретение Советов».

Профессор оторвался от газеты:

— Очередная репортерская утка. Почему она вас так взволновала, мой друг?

Антуан уже успел отдышаться и, раскурив сигарету, глубоко затянулся и выпустил облако голубого дыма.

— В том-то и дело, уважаемый доктор, что это не утка! Два года назад я был в аспирантуре у ленинградского этнографа профессора Почиталина. Там же, в Ленинграде, я познакомился с некоторыми работами института высшей нервной деятельности. Уже тогда группа доктора Горелова была занята работой над тем, что в этой статье называется «видеоконтроль». И, насколько я мог судить, они успешно продвигались вперед... Конечно, метод разрабатывался сутобо для психических заболеваний. Для тех случаев, когда узнать причины расстройства — главное, а больной сам не в состоянии ни вспомнить, ни ответить на вопросы врача...

Алвист смотрел на молодого француза сквозь очки, сдвинув брови. Он уже понял ход мыслей собеседника и теперь быстро прикидывал в уме, какие преимущества получил бы он сам и его институт от сотрудничества с русскими... «Да, перспективы заманчивы, — думал Алвист, — но могу ли я пригласить русских в Бразилию? Это прежде всего политика...» Он не хотел рисковать своим положением.

— Если подвергнуть серого исследованиям с помощью русского метода... — говорил Антуан. — Вы представляете?

Мы смогли бы узнать, какая информация скрыта в его мозгу! Разве вы, доктор, не хотели бы поработать вместе с русскими, применить их метод к нашему дикарю?

Алвист взял сигару. Он тоже волновался, но старался не показывать этого.

— Но ведь это русские, коммунисты... Возможно ли приглашать специалистов из России? Или, по-вашему, я должен поехать туда сам и повезти серого с собой? Боюсь, что после такого вояжа не придется мне возвращаться в Бразилию. Вы же знакомы с нашей политикой и влиянием на нее американцев...

— Вы боитесь!—закричал Антуан. — И тем самым отдаете науку в руки таких, как Брусвеен! В своей фазенде, похожей на дот или бункер, он — а не вы! — завладеет секретам разума этих существ — серых и пестрых. И, можете быть уверены, использует их не на благо цивилизации...

— Вы говорите — Брусвеен? — профессор оживился. — Я не знал, что он в Бразилии. Год назад мы встречались в Стокгольме на конгрессе биологов...

— Ошибаетесь, — перебил его Антуан. — Мсье Брусвеен говорит, что уже более двадцати лет он не покидал своей фазенды.

— Ну-ну, мой друг, я, конечно, стар, но еще не выжил из ума. Да вот... — Алвист легко поднялся из-за стола и подошел к большой групповой фотографии, висевшей на стене. — Вот, извольте: третий слева — ваш покорный слуга, а рядом — доктор Харальд Брусвеен. Снимок сделан в прошлом году на приеме у короля... Кроме того, должен вам сказать, что фазенда, похожая на дот или бункер, вовсе не в характере Харальда. Он два года провел в фашистском концлагере и не выносит ни казематов, ни затворничества...

Антуан пристально смотрел на фотографию. «Вспомнил, вспомнил...»

— Простите, доктор... — Антуан стал стремительно прощаться. — Еще раз извините за вторжение... Но, кажется, теперь я знаю, что мне делать...

Секретарша Алвиста не пыталась задержать сумасшедшего француза, когда он снова со скоростью гоночного автомобиля пролетал через приемную. Она легла грудью на свои бумаги и спасла на столе порядок. Это вполне удовлетворило ее в данной ситуации.

Опять падал снег и на белом его покрове четко вырисовывались следы маленьких босых ног. Потом появилась жуткая размалеванная морда. Взмах копья... Изображение на экране прибора расплывается и мутнеет.

— Электроды в зону «Б», пожалуйста.

Голос человека в белом халате спокоен. Ни суеты, ни спешки. Все идет, как намечено. Электроды — тончайшие иглы из физиологически нейтрального сплава — в мозг больного. Мозг живет...

На сероватом стекле вновь появляется изображение. Можно разглядеть край лавки, покрытой овчинным тулупом. У стола под лампой — бородатый человек. Рядом — старуха, повязанная платком. И сразу другая картина: та же изба, но пустая, с развороченной печкой, из которой торчит нелепый черный ствол...

— Стоп!

Гаснут экраны, темнеют глазки индикаторов. Серия исследований закончена. Еще одна серия...

В ординаторской за длинным столом собираются люди в белых халатах. Только теперь, когда спало напряжение, можно увидеть, как они устали. У многих под глазами круги.

Входит Горелов — руководитель лаборатории.

— Ну что шестая серия?

Отвечают вразнобой:

— То же самое... Между шестнадцатым и семнадцатым кадрами — провал. Хотя интенсивность излучения — максимальная...

— Тогда подведем итоги. В мозгу больного обнаружены постоянные очаги возбуждения. Мысль его вертится вокруг одних и тех же событий. Отсутствие логики в изобра-

жении и частые провалы заставляют предполагать, что причина расстройства где-то совсем рядом с этими провалами памяти. Что-то мучает больного, он всеми силами пытается проникнуть в эти провалы, связать воедино...

Кто-то прерывает его:

— Простите, может быть — провалы связаны с временными потерями сознания? Помните: взмах копьём — и провал...

— Вот именно! А если так, информация о происшедшем могла сохраниться в подкорковом слое, в непроявленном виде...

Общий вздох проносится по ординаторской. Кто-то скептически улыбается. Кто-то свистит. Горелов снова повышает голос:

— И мы обязаны извлечь ее! Восстановив логическую связь событий, мы тем самым снимем напряжение с мозга, вернем его к нормальному состоянию...

— Это выходит за пределы наших возможностей...

— Нет, не выходит! Предлагаю подключить мозг другого человека. В данном случае — мой.

С минуту в комнате стоит тишина. Потом она взрывается. Люди говорят все сразу, перебивают друг друга. Некоторые кричат:

— Это невозможно!

— Теоретически не доказано...

Голос Горелова покрывает все:

— Спокойно, товарищи! В конце концов, к этому эксперименту мы идем уже два года. Он становится необходимым. Вопрос о психологической совместимости мною рассмотрен. Прошу всех приступить к подготовке седьмой серии.

И сразу все становятся на места. У каждого — свой участок, своя задача. Горелов входит в операционную. Ассистенты надевают ему на голову сложный шлем с многочисленными излучателями и присосками, проверяют пульс. Горелов спокоен. Так, наверно, бывает спокоен тренированный космонавт. Тоже прыжок в неизвестное... Через несколько минут здоровый мозг этого человека станет как бы продолжением больного. Они словно сольются воедино...

но, и при этом на здоровом лежит задача проанализировать мысли больного.

И вот уже снова загораются красные лампы на панелях приборов. Сиренево мерцают экраны. Снова знакомые кадры: дикарская рожа и взмах копья...

— Стоп! Электроды — в подкорковый слой...

Глаза Горелова закрыты. И все присутствующие понимают, сколько воли, сколько выдержки нужно иметь, чтобы вот так, сознательно подчинять свой мозг внешнему воздействию, воспринимать все то, что хранится в чужой памяти, сохранять одновременно способность трезво мыслить, наблюдать за событиями как бы со стороны...

Ассистенты следят за движениями губ Горелова. На магнитную ленту записывается шепот человека, рассказывающего о том, какие мысли скрыты в мозгу другого:

— Страх перед неожиданным... Я ведь его чуть не застрелил, думал — медведь... Удар по темени, резкая боль... Теряю сознание... Больше ничего не вижу, не слышу... Провал, провал... Так, так, лучше... Что-то начинаю воспринимать... Подсознательно, что ли... Выстрел... Слышу выстрел... И крик, нечеловеческий, жуткий... Кто-то бежит... Бежит тяжело, топает по валежнику... Ближе, ближе. И сразу становится легче... Знакомые руки, голос, я его знаю, это Пал Палыч. Его руки поднимают меня, несут куда-то... Потом оставляют... В кого же это он стрелял? Неужели в пестрого?..

Две недели спустя Марков уже приобрел прежний облик...

Антуан Берже легко уточнил фамилию человека, с которым вместе пересекал на самолете Атлантику и так невежливо обошелся во время едва не состоявшейся катастрофы. Авиационная компания подтвердила, что пассажир «каравеллы» Харальд Брусвеен тем же рейсом прибыл в Риоде-Жанейро.

«Брусвеен, Брусвеен... — думал Антуан, — да, конечно, это его лицо было на фотографии в кабинете Алвиста. И когда

в самолете я его толкнул, он возмутился и назвал себя... Боже, какой я идиот! Почему не вспомнил об этом раньше? Не вспомнил тогда, когда мирно пил кофе за столом у второго Брусвеена на его бронированной вилле...»

Не без труда Антуан Берже добился приема у губернатора штата Амазонас. Ему пришлось подождать, так как супруга губернатора была в отъезде и он по этой причине обедал не дома, а в клубе.

С первого взгляда губернатор дон Мануэль ди Жезус произвел хорошее впечатление. Он встретил посетителя у двери кабинета, крепко пожал руку, подвел к креслу возле письменного стола, предложил сигары и кофе.

Антуан начал рассказывать сначала о событиях в лаборатории профессора Алвиста.

— То, что вы слышите, не плод моей фантазии, — говорил он. — По мнению профессора Алвиста, летающая гамбарра, как ее называют местные жители, прибыла к нам из отдаленных миров. В наших руках — одно из живых существ, прилетевших на этой гамбарре. Вы понимаете, какое значение имеет разгадка тайны гамбарры для всей нашей цивилизации... К сожалению, безответственные лица делают попытки самостоятельно овладеть летающей гамбаррой. Знаком ли вам ботаник, живущий в гилее под фамилией Брусвеен?

«Если губернатор знаком с Брусвееном, он, конечно, знает о гамбарре и ее экипаже», — подумал Антуан.

Губернатор усмехнулся.

— То, что вы рассказали, чрезвычайно интересно, но, я полагаю, сеньор Берже просил аудиенции не для того, чтобы интересоваться моими знакомыми. Что вы хотели мне предложить?

Антуан стал рассказывать о том, что видел в фазенде, построенной в дебрях гилеи, о встрече с настоящим Брусвееном в «каравелле» и о том, что рассказал о Брусвеене профессор Алвист.

— Я прошу ваше превосходительство провести расследование...

— Я обдумую все, что вы сообщили, — проговорил губернатор. — Могу заверить: будут приняты необходимые меры...

В голосе его звучало нетерпение.

«Хочет, чтобы я поскорее ушел? Но почему?..» — Слегка поклонившись, Антуан вышел из кабинета.

В приемной он почти столкнулся с молодым человеком в черном костюме. Вот когда был шанс получить дополнительную информацию... Антуан бесцеремонно схватил молодого человека за пуговицу пиджака. Тот попытался вырваться:

— Простите, меня вызывает дон Мануэль...

— Минуточку... — Антуан стремился как-то завязать разговор. — Скажите, пожалуйста, какие цветы любит дон Мануэль? Я хочу... э-э... прислать ему корзину цветов!

— У дона Мануэля собственная цветочная плантация! — ответил молодой человек, удивленный таким вопросом. — Он не принимает в подарок цветы!

— Ну да, конечно... — пробормотал Антуан. — Я хотел сказать: цветы для мадам ди Жезус!

— Мадам сейчас нет в Манаусе. Она гостит у родителей в имении на Рейне...

Мрачные догадки ошеломили Антуана. Он понял, что больше нельзя терять времени...

Джип оставили возле поляны в зарослях.

Софи еще раз попыталась уговорить брата не рисковать. Она пообещала даже немедленно возвратиться в Париж! Но для Антуана теперь это значения не имело. Любой ценой он должен был узнать, не остался ли кто-нибудь в плену у мнимого Брусвеена после отлета гамбарры. Мариано поддержал его: «Может быть, и Машадо здесь?»

«Если этот мнимый ботаник откажется разговаривать со мной, я пригрожу разоблачением», — подумал Антуан. Что будет при этом с ним самим, он просто не принимал в расчет.

Однако, в фазенду его впустили без каких-либо распросов. Узкая белая дверь в ограде раскрылась, и почти тотчас раздался хриплый и жалостный голос:

— Господин доктор! Пожалуйста, господин доктор...

Антуан взглянул на говорившего и оторопел: здоровенный детина в шортах и рубаше грязно-зеленого цвета стоял, повернувшись к нему затылком и причитал, коверкая португальские слова. Густая грива ровной волной закрывала его затылок и шею.

— Пожалуйста, господин доктор, — повторил детина, обеими руками раздвигая волосы: то, что Антуан принял за густо заросший затылок, было лицом!

— Волосы, господин доктор, — продолжал детина, — лезут из меня, как зубная паста из тюбика. Жрать хочется за десятерых, господин доктор! И за что такое наказание?

Антуан не стал дальше слушать и быстро зашагал к зданиям в центре двора. «Они приняли меня за доктора, — думал он, — что ж, тем лучше». Возле гаража он увидел несколько легковых машин. Задержал взгляд на «линкольне» с пуленепробиваемыми стеклами. Удастся ли в случае необходимости завести его мотор? Оставлен ли в машине ключ от зажигания?..

Глухой голос Брусвеена раздался за его спиной:

— Герр доктор?

Антуан медленно повернулся. Хозяин фазенды стоял перед ним в коричневом костюме, голова его была закутана черным шарфом, на лоб и на уши надвинут берет. Оставлена только узкая щелка для глаз.

— Здравствуйте, сеньор Брусвеен, — насмешливо сказал Антуан.

И в тот же момент почувствовал, как сзади его крепко схватили за локти.

Антуана не били. Ему надели наручники, скрутили ноги обрывком какого-то жесткого провода и швырнули в пустой сарай.

В крыше сарая зияла гигантская дыра. Сквозь дыру падало солнце.

Антуан понял: пощады не будет. Теперь ему было ясно, что он попал в логово недобитых немецких нацистов...

Выполнит ли Софи наказ: вернуться во Францию и только потом обращаться к газетам и радио?

Мариано утверждает, что в Бразилии есть справедливость. Но Софи — иностранка. Что она сумеет сделать в чужой стране?

Он уползал от солнца, но оно снова и снова наступало его.

А с вечерней темнотой, он это чувствовал, неминуемо придет смерть. И уже никогда не узнает он тайны летающей гамбарры...

Как похож этот сарай на ангар... А что если гамбарра — бесшумный самолет, построенный здесь, на фазенде? А экипаж гамбарры — результат «научных экспериментов» фазендейро? Вспомнились рассказы о нацистских экспериментах над людьми во время войны. Быть может, этот «почтенный ученый» захватил в дебрях гилеи неизвестное племя индейцев и подверг их преступным опытам?..

Антуан лежал на спине и смотрел в небо. Новая мысль пришла ему в голову: если эту дыру в крыше пробила гамбарра, тогда фазенда не может быть ее базой! Да и не похожа фазенда на научно-исследовательский центр. Скорее — склад оружия для тайного фашистского путча. Но тогда остается предположить, что экипаж летающего ковчега — действительно представители иных миров. Инопланетники, обладающие удивительным способом передвижения... Тогда ясно, что гамбарра вырвалась отсюда именно через эту дыру, разворотив крышу!

И тут Антуан увидел на бетонном полу черное тупое копьё. Он подполз ближе, потянулся к нему скованными руками.

Наступал вечер, небо над пробойной в крыше быстро темнело.

Антуан сжал копьё руками, повертел его, разглядывая, и с досадой стукнул концом копья об пол. И вдруг копьё ощутимо рванулось вверх, но Антуан не выпустил его из рук, с трудом удержал. И тут его осенило, — он снова силь-

но ударил концом копья об пол. Оно снова рванулось вверх и подняло Антуана с пола. Он вцепился в копьё изо всех сил и его потянуло через дыру в крыше вверх, к темнеющему небу...

Вспышка яркого света ударила в конце траектории. Антуан невольно прижался лицом к копьё. Его завертело в вихре и швырнуло оземь.

В. Невинский

А. Шалимов

ГЛАВА VII

Если реальная жизнь полна всяческих неожиданностей и совпадений, может ли обойтись без них фантастическая повесть?

Очнувшись, Машадо почувствовал ноющую боль в груди и отвратительную тошноту. Медным звоном гудела голова. Мысли путались. Мучило удушье. Машадо лежал на чем-то теплом и твердом. Глаза были открыты, но он ничего не видел.

Мало-помалу стало легче, сознание прояснилось, и боль затихла. Мулат подогнул иззябшие ноги, оперся руками и сел. Он разглядел фосфоресцирующие стены, на которых смутно угадывались какие-то чудовищные изваяния. Полукруглый свод потолка светился, как лесная гнилушка. Снаружи доносился свист и завывание ураганного ветра. Ветер, снова этот ветер... И тогда Машадо вспомнил... Вспомнил, что опять летит в диковинной гамбарре, летит неизвестно куда, один в окружении странных существ. Очевидно, сознание покинуло его, когда эта громадная колода поднялась слишком высоко и он начал задыхаться от недостатка воздуха. Куда она летит? Какая сила поднимает ее

так высоко над Землей? А может, все это колдовство? Или это ужасный сон: он заснул и не может пробудиться...

Мулат поднялся на ноги. Пошатываясь от слабости, побрел к узкой длинной щели в стене. Сквозь щель вместе с полосой света врывались хлесткие струи ледяного ветра. Это была входная щель. Машадо втаскивали через нее внутрь гамбарры, но теперь она почему-то стала уже.

Машадо просунул в щель голову. Далеко внизу расстилалось бескрайнее море облаков. Облака, причудливо гроздящиеся друг на друга, казались неподвижными. Гамбарра со свистом неслась в разреженном воздухе, длинная тень ее скользила по облакам. Земли не было видно. Солнце висело совсем низко, прячась в молочной пелене. Судя по солнцу, гамбарра летела к закату, если это было утро, или к восходу, если сейчас был вечер... Сон это или явь?..

Если все это не сон, то что же произошло?.. Гамбарра улетела с поляны, потому что пестрые испугались вертолета... Потом приземлились на просеке около спрятанной в лесах фазенды... Может, на фазенде жил хозяин пестрых? Но почему их сразу окружили вооруженные люди? Не успел Машадо вслед за пестрыми выбраться наружу, как их всех согнали в кучу, подталкивая прикладами винтовок и стволами автоматов. Пестрые верещали и даже пытались сопротивляться, но двоих застрелили, а остальные сразу присмирели, сникли и, понукаемые пинками и окриками, потащили гамбарру к большому сараю во дворе фазенды. Машадо, ошеломленный случившимся, бежал вместе со всеми. Уже у самых ворот фазенды он заметил человека, прятавшегося в зарослях. Какой-то охотник или сборщик каучука... Машадо крикнул ему несколько слов, умоляя разыскать сеньора да Пальха. Тотчас его сбили с ног, поволокли куда-то. Потом бросили на холодный бетонный пол. С грохотом захлопнулась тяжелая дверь и наступила темнота.

...Вдруг появилось свечение... Гамбарра оказалась рядом. Пестрые жались возле нее. Это гамбарра светилась в темноте, как глаз огромной кошки. Бледный зеленоватый свет едва достигал покрытых известкой стен, низкого потолка и

серого бетонного пола с черными разводами масляных пятен. Сарай был длинный, как траншея. В одном конце, среди наполненных соляжкой металлических бочек, почти вплотную к гамбарре, стоял бульдозер. Сбоку в воротах Машадо разглядел небольшую металлическую дверь, она была заперта. За дверью изредка слышались шаги и голоса людей, говоривших на незнакомом языке...

Вскоре Машадо потерял счет времени. В призрачном свечении гамбарры монотонно тянулись бесконечные сумерки. Мулат ничего не понимал. Кто его схватил? Почему держат взаперти вместе с пестрыми? Когда выпустят и выпустят ли вообще? Он барабанил в дверь. Кричал. Несколько раз пытался объяснить сторожам, бросавшим пищу через дверцу в воротах, что он человек, что он не такой, как остальные. Сторожа хохотали, перешептывались... Машадо попытался схватить одного из них за полу куртки, но тот щелкнул мулата по носу и рывкнул, коверкая португальские слова:

— Заткнись, волосатая обезьяна!

Машадо вскипел. Да, он оброс волосами с головы до самых ступней, но ведь не перестал быть человеком! Он нанес обидчику стремительный удар, когда тот заглянул в дверь. И тогда Машадо швырнули на бетонный пол, жестоко избили ногами.

Пестрые и серокожие уже давно заползли в гамбарру и лежали там в странном оцепенении. Машадо время от времени заглядывал к ним. Они не шевелились и словно не замечали мулата.

Машадо недоумевал. За свою жизнь он успел повидать всякое. Судьба сталкивала его с разными людьми, он видел немало диких племен и удивительных обычаев, но о чем-либо подобном ему не приходилось и слышать... Все чаще ему приходил в голову нелепый и страшный вопрос — люди ли это? А если не люди, то кто?.. Впрочем, кто бы ни были, пожалуй, они лучше тех, что загнали его сюда. Ему они не причинили зла, только заставляли толкать гамбарру, когда надо было взлететь. А те, за дверью, убьют сразу, если он попытается выбраться наружу.

Раскрылась дверца в воротах, и очередную порцию еды швырнули прямо на бетонный пол. Машадо подождал, когда сторожа удалились, и стал перетаскивать все в гамбарру. Пищи было много. Ее, конечно, оставляли для всех: и для него, и для пестрых, и для серых. Но пестрые ни к чему не притрагивались, а серые — те, вообще, лежали как покойники. Машадо брал еду для себя про запас. Кто знает, что ждет впереди...

Подобрав последние початки маиса, Машадо насторожился. Дверь в воротах снова открыли. Он торопливо скользнул внутрь гамбарры, прилег в зеленоватом полумраке возле одного из серых. Откинув длинные, жесткие волосы, падавшие на глаза, приник к прохладному краю щели. Шероховатый жесткий край вдруг показался ему податливым, почти эластичным: словно под ладонями было что-то живое...

Дверца в воротах распахнулась. Ярко блеснули электрические фонари. Вошел высокий седой человек в белом костюме, с властным лицом и резким голосом. За ним толпой ввалились коренастые светловолосые парни в коротких зеленых штанах и зеленых безрукавках. Некоторые держали палки. Отрывистые слова, которые бросал человек в белом, были непонятны Машадо. Парни с фонарями и палками рассыпались по сараю, освещая темные углы, заглядывали за бочки, под бульдозер. Не найдя никого, они снова окружили человека в белом. Тот повысил голос, парни в безрукавках слушали его, опустив головы.

Вдруг человек в белом резким движением руки указал на щель в боку гамбарры. Один из парней подошел, попытался заглянуть внутрь. Машадо увидел совсем близко выпуклые бесцветные глаза. Он отпрянул в глубину, в спасительный зеленоватый полумрак. Залег между неподвижными телами пестрых. Парень услышал движение внутри гамбарры; мгновение он прислушивался, потом крикнул на ломаном португальском языке:

— Эй, там!.. Всем выходить по одному да поживей!..

Машадо лежал не шевелясь. Впервые чрево гамбарры показалось ему спасительным убежищем. Эти снаружи — они опаснее самых диких дикарей.

— Выходить! — снова донеслось через щель. — Что вы там, подошли?

В щели появилась палка с острым наконечником, и в этот момент случилось что-то непонятное. Щель беззвучно сомкнулась, крепко стиснув палку.

Снаружи донеслись крики, брань, потом послышался треск, вероятно палка, которую пытались выдернуть, сломалась.

Дальний край щели сомкнулся неплотно. Там снаружи проникал свет. Машадо подполз туда. Приподнялся. Ему удалось разглядеть раскрытые настежь ворота сарая, часть двора, залитого ярким солнцем. Человек в белом стоял совсем близко и что-то говорил окружавшим его светловолосым парням. Те снова засуетились, притащили длинный трос.

«Хотят вытащить гамбарру наружу», — сообразил Машадо.

Послышался гулкий топот. Откуда-то из глубины двора прибежал еще один парень в коротких штанах. Принялся что-то взволнованно объяснять человеку в белом. Тот слушал, недовольно скривив лицо. Покачал головой, подумал. Потом бросил несколько отрывочных слов, повернулся и быстро вышел из сарая. Парни толпой последовали за ним. Тяжелые ворота захлопнулись, послышался стук засовов, и наступила тишина. И тотчас щель в боку гамбарры приоткрылась во всю длину и снова приобрела прежние размеры. Машадо осторожно высунул голову. В сарае никого не было.

«Надо что-то делать», — решил Машадо.

Он принялся трясти одного из пестрых. Тот не отзывался; Машадо принялся за второго, третьего. Безрезультатно. Некоторые приоткрывали глаза и тотчас смыкали их, словно были не в силах проснуться. Машадо не удалось разбудить ни одного.

Один из серых лежал возле входной щели. Машадо добрался до него, шагая через лежащих вповалку пестрых. Что-то в положении тела серого поразило мулата. Серый лежал неподвижно, странно вытянутый, словно погруженный в зеленоватое светящееся вещество, из которого состояла гамбарра. Машадо попытался приподнять его и... не смог. Серый словно сросся с полом гамбарры и не подавал никаких признаков жизни.

Машадо отпрянул, потом присмотрелся внимательнее... Неужели то, что он вначале принял за грубые изваяния на стенах, на полу и на потолке во внутренней полости гамбарры, все это некогда было живыми существами?.. Ну, конечно... Вот очертание еще одного серого, почти исчезнувшего в ноздреватом веществе стены, вот контуры большой свиньи, там антилопа, а это птицы, которых ловили пестрые на последней стоянке. Как он сразу не догадался: эта гамбарра — она незаметно пожирала тех, кого возила в своем чреве. Значит, она...

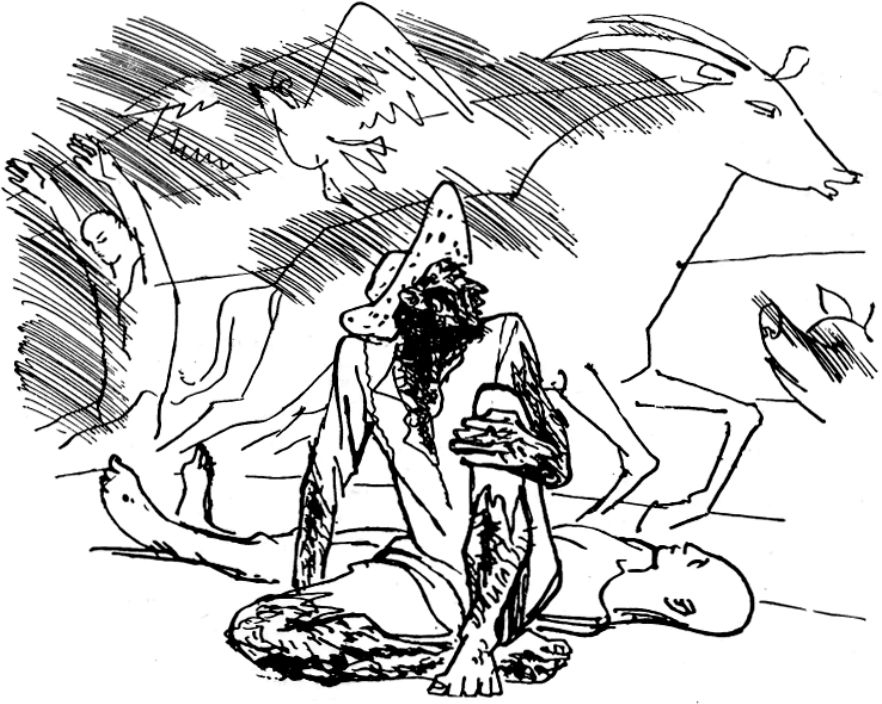
Одним прыжком Машадо выскочил наружу на бетонный пол сарая. Что же делать? Гамбарра — это смерть. Но там, за бетонными стенами сарая, тоже смерть. А может, гамбарра пожирает не всех? Ведь среди путаницы тел, погруженных в пол и стены гамбарры, не было пестрых. И его самого гамбарра пока пощадила.

Где-то во дворе слышались знакомые голоса. Кто это? Неужели здесь Мариано да Пальха?

Машадо прижался к горячему дереву ворот, напрягая слух. С трудом он уловил несколько фраз. Теперь он уже не сомневался. Да, это был он! Голоса звучали глухо, словно постепенно удалялись. Машадо налег на ворота, застучал в них ногами, крича изо всех сил:

— Синьоры! Слышите, синьоры, это я, Машадо! Синьоры!

Где-то вдали слышался шум автомобильного мотора и отрывистый сигнал клаксона. Машадо понял: они уехали. В отчаянии отступил от ворот, поскользнулся в луже пролитого автола и упал на бетонный пол. Несколько минут лежал неподвижно, потеряв последнюю надежду. Но

запах машинного масла и продолжавший звучать в голове шум работающего двигателя разбудил в нем неясные ассоциации. Машадо вскочил на ноги.

— Сейчас, сейчас я вам... — твердил он про себя, продираясь боком между гамбаррой и стеной в конец сарая.

Он торопливо залез в бульдозер, раскрутил стартер. Застрекотали частые хлопки пускового движка, потом мощно заговорил дизель. Машадо включил передачу. Гусеницы заскребли о бетон, и нож бульдозера лязгнул о корму гамбарры. Чихая и кашляя от едкого дыма, Машадо бросился к входной щели. Какое-то мгновение он колебался. Войти или? Впрочем, выбора нет... Машадо юркнул в щель.

Бульдозер, гулко рыча, сильно напирал сзади. Гамбарра дрогнула, тронулась с места, заскользила по гладкому полу, неудержимо пошла вперед и с хода вломилась в низкий скат крыши. Крыша треснула, будто в нее ударил тяжело нагруженный товарный состав. Гамбарра выплыла наружу, скользнула между кронами деревьев и, задрвав тупой нос, стремительно пошла ввысь...

* * *

Нет, все это, конечно, не сон.. Так все и было. И вот он снова летит, неведомо где и куда...

Машадо проглотил комок, подступивший к горлу, и снова заглянул в щель. Облака внизу редели. Под ними было что-то темное. Он присмотрелся и понял — море. Бесконечное море... Земли нигде не было видно. Солнце поднималось все выше. Они летели к западу. Неужели там, внизу, Тихий океан?..

Прошел день, затем ночь. Снова забрезжил рассвет. Заснуть Машадо боялся. Превозмогая усталость, всю ночь слонялся внутри гамбарры, переступая через неподвижные тела пестрых. Наконец рассвело. Внизу в просветах облаков по-прежнему темнел океан. Еще сутки прошли без всяких приключений. На третий день полета пестрые постепенно

очнулись от своего мертвого оцепенения. Они задвигались, заверещали, стали перебегать с места на место. Некоторые принялись отколупывать цепкими пальцами ноздреватое вещество со стен гамбарры в промежутках между «изваяниями». То, что им удавалось отколупнуть, они тотчас пожирали. На Машадо они, казалось, не обращали никакого внимания.

Вдруг что-то произошло... Машадо заметил, как забеспокоились обитатели ковчега. Они встревоженно забегали, начали выглядывать в щель. Пестрая окраска их тел сделалась еще более яркой и быстро менялась. Тревога пестрых передалась и Машадо. Он заглянул вниз и поразился. Гамбарра приближалась к поверхности океана...

На большой скорости она врезалась в волны. Через входное отверстие хлынули потоки соленой воды. Вместе с водой внутрь попало несколько рыб. Вода тут же исчезла, словно впитавшись в ноздреватые стены. Вместе с ней исчезли и рыбы. Гамбарра тихо покачивалась на волнах...

* * *

Потянулись монотонные и мучительные часы. Машадо страдал от жажды. Скудный запас пресной воды погиб, когда океанские волны проникли внутрь гамбарры. Теперь Машадо стоял у щели, до рези в глазах вглядывался в горизонт, надеясь увидеть судно, которое положит конец его мукам. Кругом простирался голубоватый водный простор, искрящийся солнечными бликами. Только раз вдаль появился слабый дымок; появился и исчез. Корабль прошел мимо, не заметив гамбарру.

У Машадо начались галлюцинации. Ему чудились высокие пальмы над прозрачными ручьями, наполненными холодной, журчащей водой, реки, необъятные, как Амазонка. Он приходил в себя, видел чужие странные лица пестрых и снова впадал в забытие. Сколько это длилось, он не знал. Он думал, что умирает.

Но вот, очнувшись, он увидел в темной раме входной щели зеленые султаны пальм на фоне голубого неба. Мираж? С трудом приподнявшись, Машадо выбрался из ковчега. Гамбарра стояла невдалеке от низкого берега, упершись носом в коралловые рифы. Превозмогая страшную слабость, Машадо пополз на поиски воды. Ему посчастливилось найти небольшой ручеек и, прижав губами к воде, он пил, пил, пил, пил до тех пор, пока не потемнело в глазах. Оторвавшись от воды, заполз в тень пальмы и тотчас уснул.

Сколько он спал, Машадо не знал. Проснувшись на расвете, решил обследовать берег.

Увы, земля оказалась совсем маленьким необитаемым островком. Вокруг простирался необъятный океан. Бежать отсюда было некуда. Пестрые разбрелись по всему островку, несколько уцелевших серокожих, которые лежали в глубине гамбарры и во время полета казались безжизненными, также ожили и покинули ковчег. Машадо видел вдаль на берегу их высокие фигуры.

Машадо задумался... Теперь, когда гамбарра стояла у твердой земли, ее можно было снова разогнать и лететь дальше... Куда направятся пестрые? Едва ли они захотят остаться тут надолго. Помня о недавней жажде, Машадо решил запастись питьевой водой. Он разыскал ведро, вероятно, похищенное где-то пестрокожими, и направился к ручью. Он успел сходить за водой дважды. Вылезая из гамбарры в третий раз, с ужасом увидел, что с океана на остров надвигается огромная волна. Приближаясь к берегу, волна стремительно росла, изгибалась, становилась дыбом и грозно одевалась пеной. Машадо весь сжался, почувствовав неотвратимую опасность. На Амазонке ему однажды довелось видеть, как течение реки, столкнувшись с океанским приливом, родило гигантскую волну, уничтожившую все на своем пути. Машадо бросился в глубину гамбарры и, повалившись на пол, закрыл голову руками...

Многотонная масса воды приподняла ковчег и швырнула куда-то вперед. Машадо пролетел через всю внутреннюю полость гамбарры, больно ударился о стенку. Он ждал

еще более сильного удара о землю, куда волна должна была неминуемо выбросить гамбарру. Но второго удара не последовало. Свирепый вал подхватил ковчег, столкнул его с рифа и бросил вперед. Получив толчок, гамбарра оторвалась от воды.

Набирая скорость, она устремилась вверх. Машадо остался один в летящей гамбарре. Бросился к входной щели... Увидел, как уплывает вдаль горизонт, как проваливается куда-то вниз океан и вместе с ним удаляется одинокий островок с поваленными волной пальмами... Остров был пуст. И пестрых и серых поглотил океан...

Гамбарра продолжала свой одинокий полет высоко над облаками.

Наконец в просвете облаков Машадо разглядел полоску незнакомого берега. Что это? Снова остров или материк? Если материк, то какой? Африка? Азия? Или Америка?.. Ковчег неудержимо мчался неведомым путем, постепенно снижаясь. Сердце Машадо тревожно билось в предчувствии беды. Он не ложился, боясь, что его сожрут стенки гамбарры, дремал сидя, то и дело вскакивал и переходил с места на место.

А гамбарра неслась все вперед и вперед. Наконец облака стали редеть, земля была совсем близко. Под брюхом гамбарры простиралась холмистая, заросшая лесом местность. Это не была гилея с ее непроницаемыми ярко-зелеными кронами. Лес казался редковатым, кое-где его прорезали нити дорог, виднелись дымки селений.

Гамбарра уже опустила к самым вершинам деревьев. Машадо со страхом глядел вниз. Промелькнула дорога, почти заросшая, наверно, давно заброшенная, затем показалось озеро, окруженное узкой каймой песчаного пляжа. Вдали за лесом поднимался дымок.

Когда гамбарра оказалась над озером, до воды было всего метров пятнадцать-двадцать. И вдруг с необычайной яркостью в памяти Машадо всплыло воспоминание далекого детства: прыжки в море с высокой скалы еще там, в Рио, где богатые белые бездельники бросали на дно мелкие монеты, а он с мальчишками нырял, чтобы достать их.

В тот же момент Машадо понял: если он сейчас же не прыгнет, будет поздно. Он рванулся к щели, перемахнул через край и, вытянув вперед руки, полетел вниз.

Вода больно ударила, обожгла холодом и выбросила на поверхность. Гамбарра уже исчезла за вершинами деревьев. Отфыркиваясь, Машадо быстро поплыл к берегу.

* * *

Выбравшись на низкий песчаный берег, Машадо отряхнулся и направился через лес в сторону дыма, который заметил в последний момент перед прыжком. Селение должно находиться недалеко. Он успеет добраться туда до наступления темноты.

Его обступила чаща незнакомых кустов и деревьев. Они сплетались ветвями и преграждали путь. Под ногами в густой траве трещали мертвые сучья. Какие-то насекомые кружились над головой, лезли в нос и в глаза, мешали смотреть и жалили без конца. Мокрые волосы, плотно облепившие тело, еще как-то спасали от назойливых насекомых, но уши и нос распухли от укусов и нестерпимо зудели. Тем не менее Машадо настойчиво продирался вперед, стараясь шуметь как можно сильнее, чтобы распугать ядовитых змей, которые, должно быть, скрываются в такой чаще...

Около часу он шагал через буреломы и заросли, перебирался по кочкам через топкие болотца. Наконец, выбившись из сил, повалился на землю. Ребра ходили ходунгом, с трудом нагнетая в легкие наполненный неведомыми запахами воздух. Это был незнакомый лес. Он совсем не походил на гилею. Что это за край? Что за страна?

— Миль пять прошел, — сказал сам себе Машадо, закрывая глаза, но чутко прислушиваясь к шорохам леса. — Теперь недалеко... Отдохну немного и пойду...

Несколько минут он лежал неподвижно. Усталость постепенно покидала тело.

Вдруг где-то невдалеке громыхнул выстрел, затем второй. Люди! Машадо вскочил, бросился вперед, отчаянно продираясь сквозь заросли. Он лез напролом, не разбирая дороги, лишь прикрывая глаза от острой хвои и сухих ветвей.

Лес поредел. Впереди была прогалина. Машадо напярят последние силы, выскочил не поляну и застыл в оцепенении. С десяти шагов прямо ему в лоб смотрели черные зрочки двустволки.

* * *

Элгуджа Кавтарадзе неторопливо шагал по лесу. Двустволку он закинул за плечо, соломенную шляпу сдвинул на затылок. Первый выходной за месяц... Ну и лето выдалось. Втравил их этот волосатый дядька Марков в историю. Вместо того, чтобы выполнять план разведочных работ, прочесывают с радиометрами леса по всей Новгородской области. В Лепишках теперь база специальной правительственной комиссии. Жители Сельцов, возвратившись из клиники в Ленинграде, ходят задрав носы. Вот, мол, мы какие! Помогли двинуть вперед науку. От корреспондентов отбою нет. И все — история с этими летающими космическими гостями. Никто их толком не видел. А только о них теперь и говорят. И в газетах пишут, и по радио выступают.

Элгуджа сплюнул. Найти следы их пребывания!.. А как найдешь, если ничего не осталось? Ну совсем ничего. Одни разговоры да еще эта эпидемия, с которой, как будто, врачи уже справились. Бразильцам больше повезло. Одного «пришельца» они поймали, только толку от него добиться не могут.

— Н е к о м м у н и к а б е л е н, — сказал о нем позавчера академик Петров, приехавший в Лепишки.

Элгуджа покачал головой. Слово-то какое... Если его к месту ввернуть... А старик — хитрец. Своего мнения пока не

высказывает. На прямой вопрос Элгуджи сказал; «Дорогой мой, это сложная проблема. Не стоит торопиться. Многие допускают взвездное происхождение этих странных существ, но нельзя исключать и иного решения... Ищите, и от вас теперь зависит очень многое...»

Они-то ищут. А вот врачи Маркову не могут память вернуть. Он пока тоже не коммун и кабелен...

И лесник этот как в воду канул...

Солнце поднялось высоко и начало припекать. Элгуджа остановился, снял куртку, сунул ее в рюкзак. Редколесье кончилось, а в чашу ветер не проникал, там свирепствовали комары. Элгуджа наглухо застегнул рукава и ворот рубашки. Он еще мучился с последней пуговицей у ворота, когда из-под кустов с шумом вылетел тетерев. Элгуджа торопливо сорвал двустволку, выпалил почти не целясь из обоих стволов. Опять неудача!

— Чтоб тебя черти выпотрошили! — ругнулся с досады. — Если снова ничего не принесу, засмеют ребята...

Вдруг в чаще что-то затрещало, зашумело, деревца закачались, и среди листвы мелькнуло черное волосатое тело.

«Неужели медведь, — ахнул Элгуджа. — Этого еще не хватало».

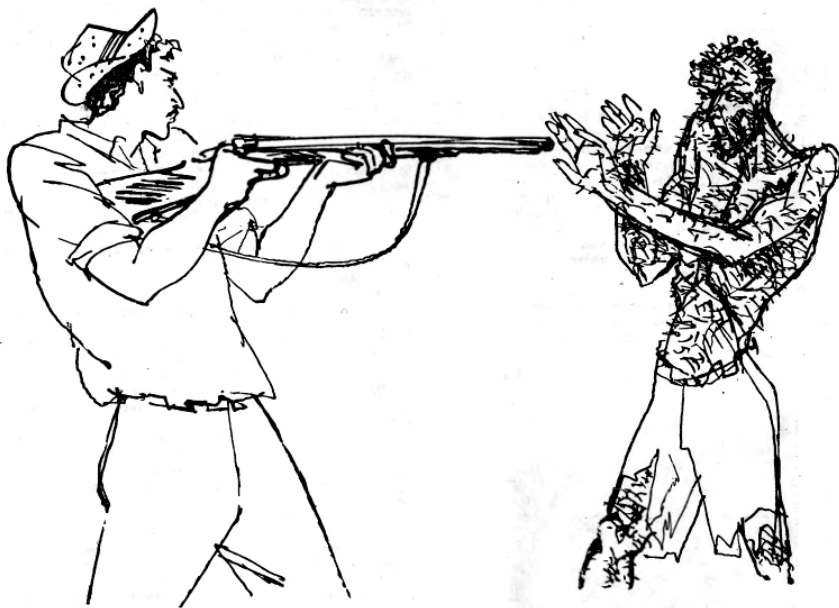
Ломая ногти, он выдернул из стволов стреляные гильзы, торопливо перезарядил ружье. Медведь продирался напрямик сквозь кусты орешника.

«Если вылезет на поляну и не остановится, пожалуй, я его хлопну», — решил Элгуджа, поднимая ружье. Он взял на мушку темное тело, уперся ногой в камень для устойчивости... Однако выстрелить не пришлось...

* * *

Они стояли друг против друга на расстоянии нескольких шагов: Элгуджа, сжимающий дрожащими потными ладонями двустволку, и странное двуногое существо, все

обросшее густой темной шерстью. В шерсти запуталась хвоя, мелкие ветки, сухие листья.

«Снежный человек? — неслись стремительные мысли в голове Элгуджи. — Горилла? В сорока километрах от Новгорода? Фу ты! Бред какой-то!»

Существо вытянуло руки вперед, словно защищаясь от выстрела, потом подняло их над головой. Человек?

— Кто ты? — спросил Элгуджа, с трудом выговаривая слова, словно в горле была вата.

Страшное существо молчало. На его лице видны были только глаза и нос, в глазах читалась растерянность.

— Кто ты? — снова спросил Кавтарадзе и, ткнув себя в грудь кулаком, добавил: — Я Элгуджа. Понимаешь? Элгуджа...

Существо кивнуло головой и, повторив жест Элгуджи, хрипло пробормотало:

— Машадо...

«Вероятно, имя. Такое имя может носить и космический пришелец... Надо бы спросить что-то еще. А как?»

— Откуда ты? — на всякий случай сказал Элгуджа.

Незнакомец покачал головой.

— Ясно! Не понимаешь! Так и должно быть...

Следующий вопрос Элгуджа на всякий случай задал по-грузински; затем, подумав немного, сам перевел его на немецкий.

Незнакомец продолжал растерянно молчать, настороженно к нему присматривался. Элгуджа, исчерпав свои лингвистические возможности, тоже замолчал.

— Машадо, — снова сказал незнакомец, ударив себя в грудь, потом указал на небо и принялся что-то объяснять.

Не поняв ни слова, Элгуджа тоже указал на небо, слегка подпрыгнул и вопросительно уставился на собеседника. Тот обрадованно затряс головой, сделал рукой широкий жест, который мог изображать только полет и снижение, высоко подпрыгнул и замахал руками, изображая, что летит или плывет.

У Элгуджи исчезли все сомнения. Он сам готов был взлететь в небо от радости.

— Ну вот, все ясно, — сказал он. — Так бы сразу и говорил. Значит, оттуда? Молодец! Земля, — произнес он, указывая на окружающий лес. — Земля... Советский Союз, понимаешь?

— Земья, — повторил незнакомец.

— Как представитель Земли приветствую тебя, пришелец, — торжественно объявил Элгуджа. — Ты не пожалеешь, что спрыгнул со своей летающей тарелки именно здесь... Пошли, генацвале.

И они пошли рядом через лес. Глаза незнакомца радостно сверкали. Элгуджа тоже улыбался. Он указывал на деревья, кустарник, пролетающих птиц и говорил:

— Сосна... брусника... дуб... ворона... Понимаешь?

— Дуб... ворона... — растроганно повторял незнакомец.

— Понимаешь...

А. Томили

ГЛАВА VIII

По-моему, самое интересное — развязывать узелки на пакетах с подарками. Такой же должна быть фантастика: с приключениями, тайной и обязательным сюрпризом в конце.

— Сеньора губернатора нет! Нет и сегодня не будет. Я очень сожалею... Я понимаю, что прессу... Нет, нет... Нет!

Сеньор Мануэль ди Жезус, губернатор, сидел за крепко закрытыми дверьми своего кабинета, предоставив секретарю отбиваться от назойливых журналистов.

В газетах уже поднялся шум из-за этого француза, Берже. Его подстрелили, серьезно ранив, невдалеке от фазенды, о которой недавно никто не ведал в самой Бразилии, а теперь писали в газетах многих стран мира.

Черт бы побрал этих дикарей, выбравших местом приземления штат Амазонас, его штат... Черт бы побрал Эберсбаха, выбравшего себе такую неудачную фамилию — Брусвеен... В то время как настоящий Брусвеен, оказывается, жив!

Придется помочь Эберсбаху исчезнуть с фазенды и найти новое убежище. Это не так легко...

Губернатор принялся разбирать поступившую почту. Что это? Бумага из Министерства иностранных дел? У сеньора Мануэля задергалось веко. В бумаге сообщалось: русские пишут, что готовы провести совместные обследования существа, которое находится в институте доктора Алвиста в Бразилии... Только не хватало сейчас прибытия сюда русских специалистов! Нет, лучше пусть этот Алвист сам едет в Россию, если желает, или еще куда-нибудь подальше... Кажется, француз Берже уже был в России, об этом написали в какой-то газете...

Губернатор нажал кнопку звонка. На пороге появился бледный молодой человек в безукоризненном черном костюме.

— Я вас слушаю, сеньор...

— Досье Антуана Берже.

— Сейчас, сеньор...

Вот она, эта папка. Так... Антуан Берже, археолог... Ага! Вот: три года аспирантуры в Ленинграде у профессора По-

читалина... Ну, и пусть едут в свою красную Россию. Пусть едут! А здесь тем временем утихнет этот шум...

* * *

Алвист был поражен, когда получил из Советского Союза приглашение приехать в Ленинград для совместной работы с русскими в Институте высшей нервной деятельности. И к тому же — в лаборатории доктора Горелова! Алвист решил: эту возможность упускать нельзя.

Вместе с профессором из Рио-де-Жанейро в Ленинград вылетел Антуан Берже, после всего пережитого ставший таким серьезным, суровым, собранным. Сестра его летела вместе с ними до Парижа.

У профессора был драгоценный багаж: помимо важнейшей аппаратуры — специально оборудованная камера, в которой лежал серокожий, чью жизнь сейчас надо было беречь, как величайшую ценность.

* * *

В гилее — время дождей, глянцевитые листья тропических деревьев роняют на мокрую траву тяжелые капли.

В доме, похожем на ДОТ, мечется по комнатам хозяин фазенды. В просторном холле, вытянувшись по стойке «смирно», стоит начальник охраны.

— Вы болван, Кнорре! — кричит ему хозяин. — Ваши люди должны были сбить гамбарру! А вы умудрились подстрелить этого француза! Потом упустили его, и теперь он шумит! Вам понятно, чем это может грозить? И мне, и вам, черт вас подери...

— Но, герр Эберсбах...

— Молчать! Сколько раз я говорил, чтобы вы забыли это имя...

— Но вы мое настоящее имя тоже не забываете, — хмуро бормочет начальник охраны.

— Ладно, черт с вами, Кочибассо... Все ли готово для отбытия с фазенды?

— Губернатор прислал вездеходы и солдат для сопровождения...

— Не нужно, чтобы много людей знало дорогу к фазенде... Сейфы погружены?

— Так точно.

— Ты останешься здесь. На все запросы у тебя должен быть один ответ: ботаник Брусвеен отбыл в Европу. На научную конференцию. Когда вернется — неизвестно. Понял?

— Так точно, понял.

— Но я еще вернусь, Кочибассо, есть люди, которым я слишком нужен...

* * *

Подводная лодка шла с крейсерской скоростью. Возле опущенного перископа стояли два офицера в расстегнутых рубашках: командир и старший помощник.

— Я слышал, Курт, эта летающая галоша упорхнула к русским, — сказал старший помощник. — Радары засекали ее траекторию, оборвалась она где-то там...

— Зато мы схватим этих размалеванных обезьян, — отвечал командир. — Кстати, проверь показания эхолота.

— Дно повышается. Скоро барьер.

— В машине! Убрать скорость. Включить носовые гидролокаторы.

— А зачем нам эти пестрые, Курт?

— Зачем?.. А секрет безынерционного полета! На Земле этого не знает никто!

В переговорном устройстве послышалось шипение, голос штурмана сообщил координаты. Командир взглянул на карту.

— Приготовиться к всплытию! Эрих, включи сирену.

Короткий рев прокатился по отсекам. Командир поднял перископ и откинулся на спинку вращающегося кресла.

— Ты слышал что-нибудь о миссии «Алсос»?

— Что это за зверь?

— Историю, мой мальчик, надо знать не только по комиксам. «Алсос» — так называлась специальная разведывательная группа войск в конце второй мировой войны. Она занималась розыском ученых немцев, связанных с урановым проектом. И пока иван воевал, американцы успели переправить в Штаты лучшие мозги «райха». Научные идеи — самый дорогой товар...

Снова зашипел динамик, и голос штурмана произнес:

— Подходим. Прикажите остановить машину. Дальше опасно: рифы.

Выдвинув до отказа перископ, командир лодки вращал маховики, оглядывая горизонт.

И вот серо-голубая рубка подводной лодки всплыла над зелеными водами океана. На низком коралловом островке ярко белел песок. Солнце слепило глаза.

— Черт меня побери, — сказал старший помощник, вглядываясь вдаль, — если я что-нибудь вижу на этом проклятом атолле.

На мостик поднялся командир.

— Спустить катер! Эрих, через тридцать минут жду тебя обратно!

— Есть, капитан!

...Океанская волна лижет серо-голубую палубу. Неуловимым движением спряталась в защитную трубку антенна. Плотно закрылась бронированная дверь. Вздروгнули винты, распугали любопытных рыб. Лодка двинулась под водой.

В тесной каюте за столиком, привинченным к стальной стене, сидели командир и старший помощник. Начатая бутылка виски означала конец операции.

Под донышком темной бутылки — листок с текстом радиограммы: «Прибыли на место назначения. Ни одного живого существа, подходящего под описание инструкции 0016/84, на берегу не обнаружено. На острове много сло-

манных и поваленных пальм. Видимо, последствия цунами...»

— Пей, Эрих. Пестрых нам не видать. Океан умеет хранить тайны...

* * *

И снова таежная дорога. Только теперь в другой машине, с другими людьми...

Пахло гарью. Не свежим живым дымом над разгульным огнем, а застарелым, горьким духом старого пожара. Несколько дней шли дожди... Марков глотнул, стараясь прогнать ноющую боль в ушах, — простыл, что ли, где? Но мудро ли простыть — прямо из больницы. Одна экспедиция, вторая. Сначала он вел, показывая, где в первый раз встретился с пестрыми. Прошло дней десять — прилетел в Ленинград Элгуджа Кавтарадзе, привез еще одного обросшего волосами. Доставил в Академию наук. И снова уехал в тайгу — на сей раз на розыски упавшей ладьи.

Среди экспедиций, направленных в район предполагаемого падения летающей ладьи на землю, была группа геологов во главе с академиком Петровым. Его больше всего заинтересовал неизвестный минерал, из которого состояли копы пестрых.

Марков ехал в машине вместе с Петровым и геологом Савченко.

Вот академик — сухонький старичок, борода клинышком — сунул палец в ухо, потряс...

— Уши что-то заложило. К непогоде, наверное... — И, продолжая прерванный разговор, повернулся к Савченко: — А вы, голубчик, не спорьте, ваш Кавтарадзе нас подвел. Не его бы мальчишество, у нас уже были бы полные руки материалов... А что это вы морщитесь?

— Да у меня тоже, наверное, от солидарности с начальством, уши заболели. Нас, видать, в этой машине продуло...

Дорогу перегораживал шлагбаум, пришлось затормозить. У шлагбаума два солдата с карабинами проверяли, кто едет в район поисков. Солдаты были в летных шлемах с наушниками. Рядом стояла палатка, из нее вышел офицер и вынес такие же шлемы всем, кто сидел в машине геологов.

— Уши болят? — спросил офицер и, не дожидаясь ответа, сказал: — Все мы тут с ушами маемся.

Академик Петров сдвинул брови, пожевал губами, борodka его задергалась. Он ничего не сказал, молча надел шлем.

Шлагбаум подняли, машина покатила дальше.

Уши перестали болеть, но тяжесть в голове осталась. Марков подумал, что, наверно, шлем затянут слишком туго, и незаметно ослабил ремешок. По отражению в стекле увидел, что Петров тоже расстегнул свой шлем и что-то рассказывает Савченко.

— Давно это уже было, — говорил он. — Совсем молоденьким плавал я с покойным академиком Шулейкиным по Белу морю. Василий Владимирович тщился поймать «голос моря» — неслышные мощные инфразвуковые колебания, предупреждающие о приближении шторма. Ведь какая чудовищная несправедливость: примитивные медузы, блохи морские чувствуют эти сигналы, а человек — нет... На палубе был сооружен довольно большой резонатор — приемник колебаний. Но нам не везло. Погода стояла отменная, а Василий Владимирович ходил мрачнее тучи. Однажды под утро я стоял на вахте. Шли самые распроклятые часы, когда нестерпимо хочется спать. И что мне тогда взбрело в голову, не знаю, но я решил сунуть голову в резонатор, послушать... До сих пор я отчетливо помню, как подошел к установке, как наклонился, чтобы заглянуть в отверстие. Что случилось потом — это уже из рассказов приятелей. Дикая боль в ушах бросила меня на палубу. Говорили, что своими криками я переполошил всю команду... А через четыре часа грянул шторм... Так я оказался первым человеком, «услышавшим» голос моря. И вы знаете, что-то подсказывает мне, что природа сегодняшнего явле-

ния сходна с тем, что только что имел честь вам поведать... Да-с...

Савченко еще раз взглянул на карту и, протянув руку вперед, сказал:

— По всем данным это где-то здесь рядом. Только дальше, кажется, придется идти пешком...

«Эгей!» — Марков остановился. Замер на месте академик Петров. Все повернули головы в сторону крика. Из чащобы, хромая и спотыкаясь, к нам навстречу бежало существо. Бежало напористо, размахивая руками и вопя во все горло. Пропахшее дымом, заросшее дремучей черной шерстью, одетое в какие-то тряпки, это существо кинулось к Савченко... И тот, голосом, изменившимся до неузнаваемости, растроганно произнес:

— Элгуджа, друг, сукин сын, ты ли это?..

Существо усиленно замотало головой.

Академик Петров слегка побледнел и протянул руку мхнатуму Кавтарадзе. Тот пробормотал что-то невнятное, схватил геологическое начальство за рукав и потянул в чашу. На все вопросы отвечал:

— После, после, все потом объясню. Идемте скорей...

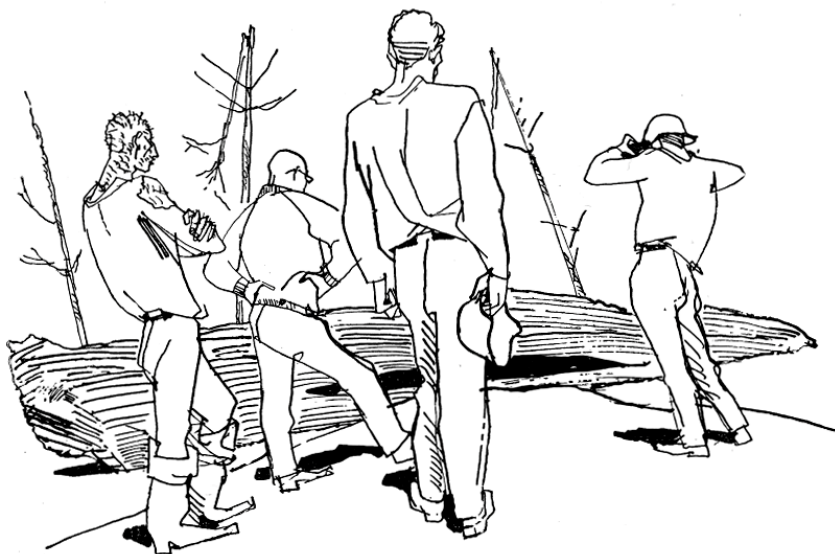
Вчетвером двинулись по тропке. Кавтарадзе сначала шел, потом побежал. Остальные бежали за ним, спотыкаясь и утопая ногами во мху. Путь преградил завал. Кавтарадзе вскарабкался наверх, они последовали за ним...

За барьером из поваленных стволов открылось пространство, на котором еще недавно, до прошедших проливных дождей, бушевал лесной пожар. А посреди открытой, серой от золы площадки, лежала летающая ладья.

Грубые, но четкие формы ее расплылись, словно под тяжестью собственного веса. Серая, покрытая пятнами корма побурела, и на ней ясно обозначился рубец. «От ножа бульдозера», — отметил про себя академик Петров, вспомнив рассказ бразильца Машадо.

Он остановился, задыхаясь, и сдернул с головы шлем. Уши не болели...

«Инфразвуковые колебания... — подумал он. — Не голос ли это существа, которое лежит здесь? Не призыв ли его к тем, кого называют пестрыми человечками?»

Чуть заметная дрожь волной прокатилась по бокам большого серовато-бурого тела. Это движение отозвалось всплеском боли в ушах. Элгуджа крикнул:

— И мы ничем не можем помочь?

Академик Петров хмуро ответил:

— Чтобы помочь, надо знать об этом существе гораздо больше, чем мы о нем знаем.

Кавтарадзе начал рассказывать, с трудом шевеля распухшими губами... Сначала была гроза. Молния вызвала пожар, но дожди его потушили. А потом появилась нестерпимая боль в ушах. Ему, Кавтарадзе, показалось даже, что по лесу идет треск — словно везде обламываются сухие ветви... Петров пробормотал что-то насчет резонансных явлений. Марков спросил:

— Извините, по-вашему — это живое существо? Вроде птицы без крыльев? А эти разноцветные при ней — вроде вшей-пероедов на глухаре?

Петров задумчиво глядел на лежащую ладью.

— В том, что перед нами — живое существо, у меня уже сомнений нет. А вот его взаимоотношения с пестрыми — еще загадка. Пероед — паразит, птица без него обойдется. А ладья без пестрых — может ли обойтись?

Снова будто тяжелый вздох пролетел над головами. Бурое тело вздрогнуло, на мгновение приняло свои прежние очертания, щель в боку широко распахнулась...

Савченко щелкал фотоаппаратом, готовя кадры, отпечатки с которых впоследствии обойдут все научные и ненаучные журналы мира. Когда он опустил камеру, все было кончено. Контуры бурого тела потеряли свою четкость, и перед людьми высилась просто бесформенная груда.

Они долго стояли молча. Нарушил молчание Марков:

— Непонятно, зачем они прилетели к Земле?

Академик Петров пожал плечами:

— Зачем?.. Зачем залетает в окно тополевы́й пух? А ведь он тоже несет в себе зачаток жизни...

Геннадий Гор

ЭПИЛОГ

Профессор Почиталин приветливо посмотрел на студента, пришедшего сдавать зачет, и спросил его чрезвычайно приятным, интеллигентным и очень деликатным голосом:

- Скажите, в каком году вы родились?
- В тысяча девятьсот сорок восьмом.
- А вы когда-нибудь задумывались об этом?
- Нет, не задумывался.

— Отлично. Ну, а теперь ответьте, как бы вы мыслили, если бы родились на пятнадцать тысяч лет раньше?

Студент постарался представить себя старше на пятнадцать тысяч лет, но не смог и вместо того чтобы отвечать на вопрос профессора, стал уныло смотреть в угол.

— Вы имеете какое-нибудь представление о первобытном мышлении? — спросил Почиталин, и голос его прозвучал еще приятнее, еще интеллигентнее, еще деликатнее.

— Имею, — ответил студент.

— Замечательно. Восхитительно, — сказал профессор и вдруг, показав на стул, на котором пугливо и неуверенно сидел студент, спросил: — Это живой предмет или мертвый? Отвечая, забудьте, что вы — это вы. Вместо вас сидит

первобытный человек. Как, по-вашему: стул — это живое существо или мертвое?

— Мертвое, — ответил мертвым голосом студент.

— Тогда попрошу прийти ко мне в другой раз. Вы не имеете никакого представления о первобытном мышлении. Нет, нет, учебник не поможет. Записи лекций тоже. Если хотите, дам один совет. Зайдите в этнографический музей, в отдел Австралии и Океании, посмотрите на первобытные орудия и хотя бы на минуту вообразите себя австралийским аборигеном. И при этом запомните: для первобытного человека нет в мире ничего мертвого. До свидания.

* * *

Выйдя из университета на набережную, профессор вскочил в автобус. Он задел плечом чем-то озабоченную пассажирку и извинился перед ней с такой любезной и обаятельной улыбкой, что с лица молодой пассажирки слетела всякая забота.

Он извинился еще раз и улыбнулся рыжебородому старцу, которого тоже нечаянно задел, пробираясь к выходу.

На какую-то долю минуты ему представилось растерянное лицо студента и трех других. Он провалил сегодня четырех человек и всех за одно и то же — за отсутствие воображения.

Почиталин нервничал. Дело в том, что главка, которую он должен был дописать к своей книге, требовала от него пересмотра ранее созданных им гипотез. В этой еще не написанной им главе речь должна была идти о пестрых, обитателях космоса, прилетавших на Землю на своей удивительной «гамбарре».

Профессора давно уже беспокоила одна мысль. А что, если странники Вселенной прилетали на Землю не один раз?.. Почему это так беспокоило Почиталина? Да потому, что, если они прилетали в древнем каменном веке, они могли повлиять на создание древних мифов, легенд и волшеб-

ных сказок, изучению которых профессор посвятил свою жизнь.

Ковер-самолет или скатерть-самобранка — что это? Порождение фантазии первобытных людей? А что, если это было отражение в сознании древних летающего ковчега? Ведь ковчег — это все: и транспорт, и кров, и пища.

Волнующие минуты размышлений и глубоких теоретических догадок профессор Почиталин любил проводить вне стен кабинета, на дверях которого было написано: «Сектор первобытной культуры и мышления». В такие минуты Почиталин выходил из кабинета и, пройдя мимо коллекций, привезенных великим путешественником Миклухо-Маклаем из Новой Гвинеи и с острова Пасхи, замедлял свои шаги в «отделе Северной Америки», возле стоявшего в стеклянной витрине индейского вождя из племени сиу. Вождь в украшении из перьев орла стоял, как живой, держа лук и охраняя свое время, застывшее здесь в музее и остановившееся навсегда.

Да, здесь время остановилось и застыло, здесь стояла какая-то особая тишина, чем-то похожая на натянутую тетиву лука, который никогда уже не выстрелит.

Присутствие индейца помогало этнографу преодолеть десятилетия и века, и мысленно пребывать то в индейском вигваме, то у костра, разведенного австралийскими аборигенами, то в каменном веке. Почиталин был знатоком первобытного мышления, посвятив изучению его многие годы. Но вот случилось нечто странное и загадочное, противоречащее всем законам любимой Почиталиным науки — этнографии. Первобытные люди прилетели из космоса, преодолев огромные расстояния и нарушив все научные представления о материальной культуре «дикарей»!

Извещение об открывающемся международном симпозиуме и приглашение на него профессор Почиталин получил как раз в тот самый день, когда он закончил последнюю главу своей книги, плод долгих и глубоких размышлений о волшебных сказках, древних мифах и легендах.

Это был не совсем обычный симпозиум, в нем, кроме этнографов и языковедов, должны были принять активное

участие биологи, астрофизики, психологи, философы, математики и кибернетики.

Симпозиум, как было написано в пригласительном билете, носил несколько странное название: «Совещание по вопросам симбиогенеза и проблеме странников Вселенной».

Что такое симбиоз — знает любой школьник. Но какое отношение этот биологический термин имел к странникам Вселенной, профессор Почиталин узнал из газет.

В газетах и журналах появились научно-популярные статьи и интервью с учеными, посвященные проблеме симбиогенеза. Со времен создания теории относительности ни одна теория и гипотеза не привлекла к себе такого внимания, как эта. Ученые всего мира вспомнили полузабытого советского биолога Козо-Полянского, талантливого ботаника, создавшего в начале двадцатых годов теорию симбиогенеза. Она вызвала в свое время оживленные споры биологов, а затем вошла в историю биологических идей, почти не оказав никакого влияния на дальнейшее развитие биологической науки. Профессор Козо-Полянский считал, что весь растительный мир Земли мог служить примером гигантского симбиоза разнородных организмов и клеток, сожительствующих и сливающихся вместе для борьбы за существование.

Когда-то теория Козо-Полянского вызвала возражения подавляющего большинства биологов, и вот теперь снова она вышла на арену научной мысли. Теперь речь шла уже не о растениях, а о разумных существах— странниках Вселенной, оказавшихся связанными цепкой биологической связью с «гамбаррой», на которой они совершали длительные космические путешествия.

Почиталин позвонил в Институт цитологии, в лабораторию молекулярных и клеточных проблем.

— Мне Илью Матвейча, — сказал он лаборантке.

Минуту спустя он услышал знакомый голос, но все-таки спросил:

— Ильюша, это ты? Здравствуй, Ильюша! Здравствуй, милый!

— Павлуша?

Этот низкий, чуточку барственный голос звучал когда-то совсем по-другому, когда Почиталин сидел с обладателем этого голоса на одной парте частной гимназии на Васильевском острове.

— Как дела, Павлуша?

— Расскажу, расскажу. Мне надо повидать тебя и как можно скорее.

— Так приезжай сейчас сюда, в лабораторию. У меня как раз есть свободная минутка.

Почиталин вызвал такси и помчался на проспект Маклина.

Через двадцать минут он уже был в лаборатории своего бывшего школьного приятеля. Илья Матвеевич — или, как называл его Почиталин, Ильюша — пожилой для всех, но оставшийся молодым и неизменным для своего школьного приятеля, стоял возле ультрафиолетового микроскопа.

— Ты понимаешь, Павлуша, — сказал взволнованно Илья Матвеевич, — мы наблюдаем жизнь клетки. Это особая клетка. Неземная. Частица так называемой «гамбарры».

— Меня как раз интересуют гамбарра и прилетевшие на ней «пестрые», их биологическая связь.

— Друг мой... Знакома ли тебе теория профессора Козо-Полянского? Наверно, только понаслышке, поскольку ты не биолог. Кстати, любопытно было бы найти объяснение, почему в былое время в России самые оригинальные умы и крупные ученые жили и работали на периферии. В Казани — Лобачевский, в Калуге — Циолковский, в Воронеже — Козо-Полянский. Именно он выдвинул предположение, что живой мир на Земле обязан своим происхождением симбиогенезу. Что касается Земли, он ошибся, но оказался прав относительно космоса. «Пестрые» и «гамбарра», — это, в сущности, одно живое существо. Не правда ли, какой парадокс. Но, в сущности, мы, люди, и окружающая нас живая среда, земная биосфера — также одно целое.

— Не начинай лекцию, — перебил Илью Матвеевича Почиталин. — Видно, тебе не дают покоя лавры члена общества «Знание». Объясни в двух словах...

— В двух словах? — Илья Матвеевич бросил негодующий взгляд на своего бывшего школьного приятеля. — Да тут и миллиона слов не хватит. Дело не в словах. Слова еще не в состоянии охватить сущность этого загадочного явления и его передать. Это, дорогой Павлуша, еще проблема.

— А в чем, собственно, заключается эта проблема? — спросил Почиталин и вдруг почувствовал себя тем самым студентом, которого он провалил за полное непонимание первобытного мышления. Каждую экзаменационную сессию почему-то находился такой студент или студентка, которые не понимали самых элементарных вещей. — В чем, собственно, ее суть, дорогой Ильюша? Как я понимаю, все это немножко похоже на представления первобытного человека о реальном мире...

Илья Матвеевич обиженно встал и подошел к ультрамикроскопу. На лице его появилась презрительная усмешка, знакомая Почиталину еще со школьных лет.

— Крайне неудачное сравнение, — сказал он строго. — И кроме того, ты унижаешь биологическую науку, которая выходит на передний край человеческого знания. Что тебя заставило сказать такие неосмотрительные слова?

Неосмотрительные слова? Почиталин почувствовал себя неловко.

— Понимаешь, Ильюша, человек каменного века мысленно одушевлял предметы своей материальной культуры и весь мир — горы, реки, камни. Ну, а здесь... Что такое летающая ладья? Это предмет материальной культуры. И вдруг это оказывается организмом, да к тому же связанным биологической связью с разумным существом, на нем прилетевшим. Здравый смысл отказывается это понять.

— Здравый смысл? — Илья Матвеевич резко повернулся к своему приятелю. — Мы решаем трудную задачу, согласуя ее с фактом! Ладья вместе с ее обитателями — одно существо. Казалось бы, абсурд. Но это факт. На планете, с которой прилетели к нам «пестрые», иные взаимоотношения организма со средой. Какие? Не скажу, исследования еще не закончены. По-видимому, эволюция на этой зага-

дочной планете шла своими путями. Я уже говорил, мы тоже связаны с земной биосферой цепкой причинной связью. Об этом хорошо написал еще академик Вернадский. Но эта связь все же не симбиоз, к счастью, не симбиоз, а то мы жили бы, скажем, в трамвае, питались кусками трамвая и без этого трамвая себя чувствовали как рыба на берегу. Извини, Павлуша, за неудачное сравнение. Ну, не трамвай, а троллейбус или реактивный самолет. От этого ничего не изменится.

Почиталин постарался представить себя живущим в троллейбусе от рождения до самой смерти, но это ему не удалось, как не удалось студенту представить себе живым стул, на котором он сидел, сдавая зачет. Почиталину стало не по себе. С несвойственной ему робостью он взглянул на ультрафиолетовый микроскоп, где томился крошечный кусочек загадочного мира неизвестной планеты.

Почиталин долго сидел молча, а затем спросил своего приятеля неуверенно и робко:

— И все-таки, что такое симбиоз? Я отказываюсь понимать. Ведь я думал...

Илья Матвеевич мечтательно улыбнулся.

— Ты помнишь, наверно, Павлуша, нашего гимназического преподавателя естествознания...

— Природоведения.

— Ну да. Анания Ананиевича. Мы еще называли его Акакием Акакиевичем. Помнишь, он принес в класс лишайник и долго объяснял нам, что лишайник — составной организм. В нем сожительствоует гриб и зеленая водоросль, или сине-зеленая дробянка.

— Но здесь же, Ильюша, не гриб, а летающая ладья. И сожительствоует с ней не зеленая водоросль, а человекоподобное существо. Парадокс. И даже абсурд!

— Да, парадокс, Павлуша, но не абсурд. Наши отдаленные предки были ненамного элементарнее нас. Эволюция вела организмы к усложнению. Но одновременно усложнялась и среда. Организм всегда связан со средой, с миром, который его окружает. На неизвестной нам планете, на которой обитают «пестрые», между средой и организмом

существует иной тип связи, не такой, как у нас. Пока я тебе больше ничего не могу сказать. Сейчас все биологи мира заняты разгадкой этой непомерно сложной задачи. Ты извини меня, Павлуша, надо бежать на заседание ученого совета. Если тебя уж так интересуется эта проблема, позвони годков этак через пять или через десять. Не думаю, что ученые раньше разгрызут этот орешек...

* * *

Профессор Почиталин стоял возле витрины. Через стекло смотрел на него индейский вождь из племени сиу. Казалось, оба они размышляли — красивый, стройный, молодцеватый экспонат с орлиным носом и худощавыми ногами, и тучный, лысый профессор, чуточку похожий на мистера Пикквика.

Мускулистые ноги вождя были как живые. Вот-вот они сделают шаг — и вождь выйдет из остановившегося навсегда мгновения в наш век и заговорит на своем гортанном языке, скажет что-нибудь величавое, образное и прекрасное, как он сам и его воинственное племя.

Но вождь молчал. Шаги его застыли, остановились, и только одежда его казалась вечно живой и поэтичной, как слова из поэмы о Гайявате.

Профессор смотрел сквозь очки на неподвижного своего друга и вдруг, словно забыв, что это только экспонат, доверительно произнес:

— Понимаешь? Симбиогенез. Он, он повлиял на законы первобытного мышления.

Сказав это своим приятным, интеллигентным и деликатным голосом, профессор надел пальто, берет и вышел на улицу. Моросил дождь. В автобусе от пассажиров пахло дождем и мокрыми весенними ветвями.

Дома профессор сказал жене, чтобы она не беспокоила его, он не намерен подходить даже к телефону. И сразу же

сел за работу. Проработал он до двух часов ночи, принял таблетку депрессина и нырнул под одеяло.

Приснился ему вождь из племени сиу, стоявший за стеклом музейной витрины. Он вдруг присел, весь сжавшись, как пружина, и, издав воинственный клич, выпрыгнул из своего застывшего мгновения, со звоном разбив стекло.

Профессор проснулся. Сердце его тревожно билось. В ушах еще звенело разбитое стекло и воинственный клич индейского вождя. Он взглянул в угол и увидел там притаившегося человека, присевшего и готового к прыжку. В руках этого человека было копье. Нет, это был не индейский вождь из племени сиу, а один из «пестрых». Маленькие глазки «пестрого» с ненавистью смотрели на Почиталина и, казалось, изучали его полное дряблое профессорское тело, выбирая место для удара.

— Ради бога, пощадите, — сказал профессор своим красивым, интеллигентным, деликатным голосом. — Я всегда был другом первобытных людей.

Затем он проснулся. На этот раз уже проснулся по-настоящему, вернувшись в тот домашний, уютный и безопасный мир, из которого увел его сон.

Почиталин, кряхтя, встал, зажег свет, выкурил папиросу и сел за письменный стол.

Писал он необычайно мелким почерком, который с трудом разбирали самые опытные машинистки. Слова, набрасываемые на бумагу, спешили поспеть за мыслью, которая вела профессора в далекий, давно исчезнувший мир, когда впервые на Земле появилась волшебная сказка, оживив мертвые вещи, сделав добрыми и милыми злых зверей и заставив радостно биться человеческие сердца.

Профессор Почиталин писал доклад, с которым он должен был выступить на симпозиуме, посвященном спорным вопросам симбиогенеза и проблеме странников Вселенной.

Оглавление

Глава I. <i>А. и Б. Стругацкие</i>	7
Глава II. <i>О. Ларионова</i>	20
Глава III. <i>А. Шалимов</i>	42
Глава IV. <i>А. Мееров</i>	64
Глава V. <i>В. Дмитриевский</i>	75
Глава VI. <i>А. Шейкин, А. Томили</i>	78
Глава VII. <i>В. Невинский, А. Шалимов</i>	101
Глава VIII. <i>А. Томили</i>	117
Эпилог. <i>Г. Гор</i>	127

Повесть «Летающие кочевники» была впервые напечатана в №№ 7-11 журнала «Костер» (Ленинград) за 1968 г. Публикуется по этому изданию с сохранением оригинальных иллюстраций.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.